

Татьяна Тренина

Добрая
злая
любовь

русский любовный
роман

Татьяна Тренина

Добрая злая любовь

«ЭКСМО»

Трoнина Т. М.

Дoбpая злая любовь / Т. М. Трoнина — «Эксмо»,

У милой девушки Наташи все было хорошо: интересная работа, дружная семья сестры, в которой ее все любили, предложение выйти замуж за прекрасного молодого человека... И вдруг жизнь Наташи переворачивается с ног на голову! Просто какое-то наваждение: увидев за столиком в кафе незнакомца, девушка, точно привороженная, следует за ним. Узнав о том, что незнакомец, которого зовут Никитой, пишет сценарий для необычного авторского фильма, Наташа решает стать его ангелом-хранителем. Этим она невольно разрушает и свою личную жизнь, и Никиты. А ведь Наташа просто хотела быть счастливой...

© Трoнина Т. М.

© Эксмо

Татьяна Тренина

Добрая злая любовь

* * *

Он сидел у окна – огромной стеклянной стены, за которой было видно Садовое кольцо, и за его спиной возвышались массивные строгие дома сталинской постройки, между которыми изредка проглядывали верхушки темно-зеленых деревьев. Лучи заходившего солнца дробились сквозь толстое стекло, и легкая золотая пыль переливалась над его головой, точно нимб.

Людей в кафе было довольно много, заняты почти все соседние столики, – некая безликая, вибрирующая масса, которая мешала созерцать его. То и дело кто-то проходил мимо с нагруженным подносом. Сновали шустрые официанты с метлами. Раздражающе пахло кофе и жарящимся в масле чесноком – неперенным атрибутом итальянской кухни.

Перед ним тоже стояла чашка кофе, наверное, давным-давно остывшего, и надкусанная пицца, уже начавшая подсыхать. Он был занят – сначала быстро щелкал пальцами по клавишам крошечного ноутбука, а теперь неподвижно и мрачно смотрел на экран, повернутый к залу крышкой. Он был явно недоволен своей работой.

– Наташа, да ты меня совсем не слушаешь! – с досадой воскликнула Анна. – Куда ты уставилась?

Заерзав на стуле, Анна оглянулась назад – туда, где за стеклянной стеной виделся вечерний город.

– А-а, понятно, ворон за окном считаешь...

Анне было тридцать шесть – на целых двенадцать лет больше, чем Наташе, поэтому она не могла избавиться от привычки командовать.

– Что? – рассеянно спросила Наташа. – Каких ворон?

Она вдруг подумала, что, возможно, этот незнакомец за соседним столиком – призрак, видимый только ей. Привидение из городских джунглей, внезапно выплывшее из стеклянно-стальных конструкций торговых центров, бесчисленных кафе и надоевших бутиков. Случайно возникшая голограмма на фоне деловитых московских сумерек...

– Таких! – начала нервничать Анна. – В общем, Наталья, если ты что-то упустишь, я на тебя серьезно обижусь...

– Я все помню! – с досадой перебила старшую сестру Наташа, постепенно возвращаясь к действительности. – Забрать во вторник твою пальто из химчистки – квитанция в шифоньере на нижней полке – и пришить к нему пуговицы, которые лежат в серванте, в хрустальном коврике, – начала она перечислять. – Сходить с Настей в магазин и купить ей джинсы к школе...

– Обязательно вместе – иначе, если ты доверишь это дело Насе, она купит что-нибудь невообразимое, вроде той махровой дряни, которую она называет свитером!

– Да, обязательно вместе. Потом погладить Аркадию рубашки и купить какой-нибудь еды. Цезаря ни в коем случае не кормить рыбой, иначе у него снова разыграется мочекаменная болезнь и его придется везти к ветеринару.

– Умница моя! – вздохнула Анна и с чувством чмокнула Наташу в лоб. – Заходи к ним каждый день после работы, проверяй, как они там.

– Аня, честное слово, я их не брошу! – поклялась Наташа.

Аркадий был мужем Анны, Настя – их дочерью в возрасте четырнадцати опасных и взрывных лет, ну а Цезарь – обыкновенным котом британской породы, полное имя которого звучало как Цезарио Аттила Кристоаль Пятый.

– Так, сколько там времени... – Анна залпом допила чашку и посмотрела на часы. – Половина девятого. У нас в запасе сорок минут. Мы еще не успели обойти второй этаж...

– Ну и бог с ним! – умоляюще воскликнула Наташа, которой уже порядком надоело бегать по многочисленным галереям этого торгового центра, расположившегося в двух шагах от вокзала. Анна была страшной барахольщицей и не упускала ни единой возможности посетить распродажи. – Ты на поезд опоздаешь! Анька, у меня уже руки отваливаются за тобой чемодан таскать. Лучше бы Аркадия взяла в провожатые!

– Аркадий сегодня допоздна работает, он не мог, – отмахнулась Анна. – Ладно, так уж и быть, пошли на вокзал!

Они вышли из-за стола. Анна покатила за собой элегантный саквояж на колесиках, а Наташа подхватила не менее элегантный чемодан из парусины, обшитой кожей, единственным недостатком которого было отсутствие аналогичных колесиков на днище.

Она на миг обернулась – незнакомец сидел в том же положении на фоне густеющих августовских сумерек и продолжал мрачно глядеть на экран ноутбука. Он не был призраком, он был обычным молодым мужчиной – скорее всего, какой-нибудь современный карьерист. Или пижон, выставляющий напоказ свою принадлежность к деловому миру. Такие еще вечно болтают по сотовому телефону, не вылезают из Интернета и рассылают своим друзьям по факсу свежие анекдоты...

– Я бы купила то платье – ну, с оранжевыми вставками... – стоя на эскалаторе, бросила через плечо Анна. Она любила все яркое. – Роза бы умерла от зависти. Не представляю, кого она себе на этот раз в мужья выбрала...

Роза – лучшая подруга Анны, переехала в один из южных городков и там решила в очередной раз выйти замуж. Именно к ней и ехала сейчас Анна.

– Передай ей привет... – пропыхтела Наташа, с трудом справляясь с громоздким чемоданом.

– Обязательно! – они вышли из торгового центра и пересекли небольшую площадь перед вокзалом. – Наташка, гляди за вещами – тут ворья всякого полно... Выхватят из рук и убегут!

– С таким чемоданом не убежишь... – выдохнула Наташа.

В вагоне была сутолока и теснота.

Сестры торопливо расцеловались. Анна достала сотовый и тут же принялась нажимать на кнопки.

– Алло, Аркаша, как ты там? Все в порядке? Нет, я уже в поезде. Нет, еще не еду, отправление минут через двадцать. И я тебя... Сладкий мой, не скучай и веди себя хорошо! Да, Наталя меня проводила. Она придет. Не сегодня придет, а завтра... Ты иди, иди... – Анна оторвалась от телефона и нетерпеливо замахала Наташе рукой. – Нет, это я не тебе, а Наталье! Сладкий, конечно, я буду тебе звонить...

Наташа выбралась из поезда и встала на платформе возле окна, за которым было купе ее старшей сестры.

Анна не видела ее, она продолжала болтать по телефону. Словно в раме, был виден ее силуэт – полные красивые плечи, изящный нос, ярко-рыжие кудри, длинные ресницы, отбрасывающие тени на скулы. Несмотря на полноту, Анна была очень интересной женщиной.

Наташа постучала ей в стекло и в последний раз помахала рукой. Анна, ослепительно улыбнувшись, послала ей воздушный поцелуй и тут же снова отвернулась, прижимая телефон к уху.

«Носится со своим Аркашкой, точно с писаной торбой... – ревниво подумала Наташа. – Ну и ладно!»

Она побрела в сторону метро, но у входа остановилась в нерешительности. Из головы не шел тот незнакомец за соседним столиком в кафе. Втянув в себя носом тепловатый вечерний воздух, пропитанный вокзальной гарью, Наташа вдруг решительно направилась в сторону тор-

гового центра, который в фиолетовых сумерках блистал пафосными яркими огнями, словно новогодняя елка игрушками.

«Куда я иду? Зачем? Он давно ушел... А если не ушел? Ну, я просто хочу посмотреть на него еще раз...»

Наташа не могла себе объяснить главного – для чего она хочет увидеть того незнакомца еще раз. Она просто шла к стеклянным раздвижным дверям центра, ее толкало странное чувство, некая смесь упрямства и любопытства.

Внутри все сияло нежным белым светом, хрусталем и золотом блестели витрины многочисленных магазинчиков – после суматошного и тусклого вокзального перрона эта картина вновь поразила Наташу своей нереальностью. Она поднялась на бесшумном эскалаторе вверх и, держась за стальные поручни, пошла вдоль торговых галерей к тому самому кафе, в котором они сидели недавно с сестрой.

Когда она свернула в полукруглый зал, в котором располагалось кафе, сердце ее забилось сильнее – от азарта и боязни разочароваться. Наташа даже решила сыграть в небольшую игру. Она встала к залу спиной и попыталась представить, что ее незнакомца тут уже нет.

– Раз, два, три...

Она резко повернулась.

Он был на месте.

Он никуда не уходил.

Он сидел все за тем же столиком у окна, за которым широкой рекой вилось Садовое кольцо, и продолжал работать на своем ноутбуке, и сейчас включенный экран отражался голубым пятном в темном стекле за его спиной.

«И что теперь?» – с недоумением спросила себя Наташа. Самое интересное, что ей от этого человека ничего не было надо. Только смотреть на него. Просто смотреть.

Наташа взяла пышный молочный коктейль в большом стакане и села чуть поодаль от незнакомца, так заинтересовавшего ее.

«Сколько ему лет? Наверное, столько же, сколько и мне. Или он чуть старше... В самом деле, кто он? Офисный работник, клерк? Кто-то из руководящего звена? Может, он ждет кого-то и, чтобы убить время, играет в какую-нибудь увлекательную компьютерную игру?»

Шоколадная стружка бурлила на сливочно-белой поверхности коктейля. Наташа вспомнила о своей племяннице Настасье, которая обожала подобные напитки.

Если бы Настя была здесь, то она непременно бы что-нибудь придумала. В голове у Насти постоянно роилась тысяча планов, грандиозных, несбыточных и сумасшедших. «Так он тебе понравился, тетя Наташ? – с возбуждением спросила бы Настасья. – Ага, значит, вас надо познакомить! И я даже знаю, как! Скоро он выйдет из-за стола, и, когда будет проходить мимо, мы подставим ему подножку. Он упадет, а мы... Или другой вариант – мы посылаем ему с официантом записку, в которой назначаем свидание в ГУМе, у фонтана, а потом... Или нет – мы подходим к нему и с улыбкой заявляем, что он выиграл миллион и теперь должен дать свой телефон и домашний адрес, а потом...»

«С чего ты взяла, что он мне понравился? – потягивая коктейль, мысленно возразила Наташа своей племяннице. – Вовсе он мне не нравится! Сейчас я встану и пойду домой. И вообще, не забывай – у меня есть Максим. Макс – серьезный, ответственный человек, не сегодня-завтра сделает мне предложение. Так, по крайней мере, считает Анна».

Тут Наташа представила рядом с собой Макса. Вот он сидит за столиком и внезапно замечает, что Наташа пялится на какого-то типа за соседним столом. «Какого черта?! – обиженно говорит он. – Послушай, Наталья Алексевна, я при тебе, между прочим, так демонстративно других девушек не разглядываю!» Макс был довольно обидчив.

Незнакомец вдруг оторвался от своего ноутбука и недоуменным взглядом окинул зал, словно вспоминая, где он сейчас находится. На какую-то долю секунды он скользнул взглядом и по Наташе.

Он был красив. Ну, не красавец в полном смысле этого слова – из тех, которые позируют для гламурных журналов, но все же очень симпатичный молодой человек. Впрочем, «очень симпатичный» – это тоже не про него. Он был спокойный и серьезный. Немного усталый. Темные глаза, темные волосы. Старомодная классическая стрижка, которая делала его немного похожим на английского лорда. Воротник темно-синей рубашки расстегнут, и видно шею и серебристый блеск цепочки на ключице.

«А в общем, ничего особенного... – констатировала Наташа. Но она продолжала упорно видеть только его, а все остальные люди сливались перед ней в сплошной пестрый фон. – Я для него, наверное, тоже фон, – решила она. – Он посмотрел на меня и не заметил... А чего я хотела?»

Наташа на стуле отодвинулась назад и взглянула на себя в зеркало у барной стойки. В нем отразилась хмурая девица с неопределенно-серыми волосами (такие еще называют пепельными), закрученными на затылке в некое подобие рожек. Чертик из табакерки – не раз подшучивал над ее прической Макс... Одета так себе – юбка-шотландка до колен, белая футболка, ботинки на толстой подошве. Нет, она, конечно, хорошенькая, но влюбиться с первого взгляда невозможно. Стиль унисекс. Ключот только прыщавые юнцы, которые принимают ее за свою ровесницу. На самом деле Наташе двадцать четыре!

Тем временем незнакомец запихнул свой ноутбук в рюкзак, встал и неспешно пошел к эскалатору. Он был чуть выше среднего роста.

«Пожалуй, мне тоже пора», – решила Наташа и зашагала за ним вслед – ей было в ту же сторону.

Они вышли из торгового центра. Он – чуть впереди, она – отставая на несколько шагов. Потом спустились в метро.

Его рука на поручне эскалатора. Его затылок хорошо был виден Наташе сверху – темные волосы слегка выются...

Он достал из рюкзака журнал, развернул, уткнулся взглядом в одну из страниц.

«И что же там пишут? – вытянула шею Наташа. – А-а, пишут о том, что новый фильм Стивена Спилберга произведет сенсацию... Мальчик любит кино!»

На платформе стало ясно, что им надо в противоположные стороны. Но Наташа, точно привязанная к незнакомцу невидимой веревкой, вдруг торопливо засеменила вслед за ним.

«Что я делаю? Господи, что я делаю... Зачем?» – с недоумением прошептала она, вскочив в соседнюю дверь. Дверь тут же захлопнулась за ее спиной, отрезая путь к отступлению, и поезд тронулся с места. Ее незнакомец, прислонившись к стальным поручням, сосредоточенно читал журнал, даже не замечая, что за ним наблюдают.

Подобное приключение случилось с ней в первый раз. И вообще, до того она считала себя довольно холодным, рассудительным человеком, не способным из-за чего-либо потерять голову. У нее была подруга – Мириэль Подкопаева, или просто Мирка, – так вот, Миркина мама всегда ставила Наташу в пример своей дочери.

«Ты посмотри, Мирочка, на Натусю! – ласково увещевала она Мириэль, названную так в честь какой-то малоизвестной литературной героини. – С ней никогда ничего «такого» не происходит, а ты вечно попадаешь в какие-то истории!»

Миркину жизнь действительно нельзя было назвать спокойной. Не жизнь, а тридцать три несчастья!

Во-первых, взять ее склонность к спонтанному травматизму... Если перед Миркой была дверь, она непременно прищемляла себе этой дверью пальцы. Если же она случайно наступала ногой на канализационный люк, то люк под ней проваливался (один раз сломала руку, второй

раз – руку и ногу). А когда зимой в городе начинался гололед, то Мирка непременно поскальзывалась на какой-нибудь раскатанной дорожке. Обычно заканчивалось синяками и ушибами, но в самом конце марта Мирка поскальзывалась так основательно, что встречала майские праздники очередной раз в гипсе. Летом Мирка наступала на банановую кожуру, и дело заканчивалось так же плачевно. На нее падали цветочные горшки из окон. Если она покупала банку маринованных грибов, то в банке обязательно оказывалась плесень. От одного глотка газировки со льдом у нее разыгрывалась жесточайшая ангина, и непременно с хвостом всяческих осложнений...

Но это все – не самое страшное. Имелось еще и «во-вторых» – те самые истории, которыми Миркина мама постоянно попрекала свою дочь. В восемнадцать лет Мирка вышла замуж за грузчика из овощного магазина. Это была неистовая страсть, и ничто не могло отговорить Мирку от брака. Грузчик пил, распускал руки и был, по выражению интеллигентной Миркиной матери, «исключительно brutальным мужчиной», а попросту – грубияном. В приступе белой горячки он едва не зарезал Мирку (как сказал врач, нож прошел в миллиметре от артерии). Только тогда бедная Мирка решила развестись. Развод был чудовищным – после него Мирка попала на месяц в клинику неврозов. А когда она вышла из клиники, то сразу же впуталась в какую-то тоталитарную секту. Обрилась наголо, бегала по городу в оранжевом балахоне и стучала в барабан. Теперь уже Миркина мама попала в клинику неврозов. А когда выписалась, они с Наташей силой увезли Мирку в деревню, где прятали ее целое лето от друзей-сектантов. Мирка к осени окончательно разуверилась в их учении, зато увлеклась Толкином. Стала по четвергам бегать в Нескучный сад. Сшила себе плащ и собственноручно выстругала меч, едва не лишившись пальцев. Толкинисты приняли ее в свои ряды с радостью – имя Мириэль как нельзя больше подходило эльфийской деве, коей Мирка и стала себя считать... Некоторое время она жила в гражданском браке с неким Арагорном, сыном Арахорна, пока тот не увлекся девой по имени Нимродель (кстати, по паспорту – Соней Кучкиной).

Потом Мирка забросила Толкина и стала читать все книги подряд. Она так увлеклась чтением, что забыла обо всем остальном. Для того чтобы ей не мешали, Мирка отправилась работать в букинистический магазин. И потекли дни с Шекспиром, Плутархом и редкими изданиями поэтов-символистов... В конце концов Мирка дала матери клятву, что никогда больше не выйдет замуж, а если уж решит завести ребенка, то только из пробирки...

Словом, по сравнению с Мириэль Подкопаевой Наташа была сущим ангелом, никогда не доставлявшим хлопот своим близким. Поэтому сейчас Наташа решила, что вполне может позволить себе небольшое романтическое приключение.

Незнакомец вышел на одной из конечных станций. Наташа – за ним. Призрачный свет гулял вдоль серых мраморных колонн подземного зала. «Если он живет где-то неподалеку, то я смогу узнать его адрес!» – мелькнула в ее голове упрямая мысль. И, стараясь не отставать, она поднялась вслед за своим героем по эскалатору в город.

Тишина, темные закоулки окраины...

Внезапно подул прохладный, знобкий ветер, напоминая о близкой осени. В одном из дворов брэнчала гитара и раздавались пьяные голоса. Незнакомец быстрым и легким шагом двигался впереди, и его силуэт мелькал смутной тенью под нависшими над дорогой деревьями.

Но напрасно Наташа надеялась, что герой живет где-то неподалеку. Скоро она поняла, что возвратиться назад, к метро, она уже не сможет – слишком темна и запутанна была эта окраинная дорога. Теперь Наташа боялась потерять незнакомца из вида. Он был единственным ее спасением – путеводной звездой.

«Зачем я решила пойти за ним? – вдруг с ужасом сказала себе Наташа. – Как я буду отсюда выбираться?» Она, жительница центра, инстинктивно недолюбливала безликую монотонность спальных районов.

Незнакомец прошел двор, потом миновал длинный ряд гаражей-ракушек и зашел в подъезд большого многоквартирного дома.

«Что же делать?» – заметалась в Наташиной голове лихорадочная мысль.

Несколько мгновений Наташа медлила, а потом бросилась к подъездной двери, за которой скрылся незнакомец. Она оказалась в небольшом коридорчике и обнаружила другую дверь, внутреннюю, с кодовым замком. Где-то внутри зашуршал лифт.

Наташа рванула ручку на себя – конечно, ее усилия оказались бесполезными. Надо было набрать код, которого она не знала.

– Эй, вы! – закричала Наташа и изо всех сил забарабанила в дверь. – Молодой человек! Стойте! Я должна с вами поговорить... Вы меня не знаете, но я должна с вами поговорить!

О чем она собирается говорить с незнакомцем, Наташа представляла очень смутно, да и неважно это было... Просто она боялась остаться одна – ночью, на окраине, в темном незнакомом дворе.

Единственной надеждой казался этот самый молодой человек, которого она преследовала. Он услышит ее и вернется назад.

Но толстая тяжелая дверь была непроницаема.

Наташа подождала еще немного и снова забарабанила по ней кулаками – без всякого результата. Незнакомец ушел.

Она выбежала во двор и оглядела многоэтажку, надеясь, что сумеет вычислить его окно – в нем сейчас должен зажечься свет. Несколько окон было освещено, но ни в одном новом свет так и не появился. «Наверное, его окна с другой стороны», – с досадой сказала она себе.

Он ушел!

Он ушел, а она не осмелилась вовремя его окликнуть и заговорить с ним. «Может быть, он и не стал бы со мной говорить! – резонно возразила она самой себе. – С какой это стати? Что бы я сказала ему? «Молодой человек, я ехала за вами через весь город, словно заколдованная, вы не могли бы объяснить – почему?...» Он принял бы меня за ненормальную!»

Пригорюнившись, Наташа села на скамейку возле подъезда. Кроме страха и удивления, ее охватило еще одно чувство, незнакомое прежде, – одиночество. Словно до того она знала этого человека тысячу лет, а потом он вдруг покинул ее...

Но надо было как-то выбираться отсюда!

Наташа достала из кармана сотовый телефон и принялась нажимать на кнопки.

– Алло! – отозвался Макс сонным голосом. – Алло, я вас слушаю!

– Макс, это я.

– Наталья? Наташа, я уже сплю... Ты знаешь, который час?... Погоди – что-нибудь случилось? – окончательно проснувшись, встревожился он.

– Нет, пока все в порядке. Но, Макс, ты должен мне помочь... Автобусы не ходят, метро уже тоже закрылось, наверное, а я тут одна...

– Где – тут?

– Я не знаю... – Наташа пробежала вдоль дома и на углу, возле пустынного шоссе, увидела на стене скудно подсвеченную табличку. – А, вот – улица Придонская, дом шестнадцать!

– Где это? – оторопело спросил Макс.

– Не знаю, по карте посмотри!

– Как ты там оказалась?

– Не знаю! – с отчаянием воскликнула Наташа, и это было чистой правдой.

– Ладно, жди, – мрачно произнес Макс и нажал на отбой.

По пустынному шоссе изредка на большой скорости проносились машины. Наконец минут через сорок показался знакомый автомобиль... Ее спаситель прибыл.

Наташа замахала руками, стоя у дороги.

– Садись... – притормозив, распахнул перед ней дверцу Макс.

Наташа упала на переднее сиденье и в изнеможении вздохнула:

– Какое счастье... Думала, останусь в этих краях навсегда!

Макс сосредоточенно погнал машину вперед. Выглядел он мрачнее тучи.

– Как ты здесь все-таки оказалась? – наконец спросил он.

– Это очень странная история... – начала Наташа и вдруг замолчала. Макс не поймет. И вряд ли бы кто-то понял ее. Ну, за исключением Мирки Подкопаевой...

– Продолжай, пожалуйста, – холодно кивнул Макс. Ветер из окна трепал его длинные, до плеч, светлые волосы.

– Я сегодня решила прогуляться – погода была просто чудесной. Шла, шла... Потом смотрю – я уже здесь, – придумала она не слишком убедительное объяснение. – Сама не понимаю, как сюда забрела...

В какой-то мере ее ответ соответствовал тому, что произошло.

Макс некоторое время молчал, а потом взорвался:

– Послушай, Наталья Алексевна, ты чего мне голову морочишь?

– Нет, Максим, я вполне серьезно...

– Серьезно?! Господи, да я буду последним дураком, если поверю этому!

– Разве с тобой такого не было? – упрямо сказала Наташа. – Ты уверен, что можешь контролировать каждый свой шаг?

– Если человек не пьян, если он не находится под влиянием наркотиков, если у него нет амнезии и он не сумасшедший, – он всегда может контролировать себя, – твердо произнес Макс. – Тем более что я знаю тебя как очень разумную девушку, за что и уважаю. Ты не как эта... не как Галадриэль.

– Кто?..

– Господи, да Мириэль же! – взорвался Макс. – Ну и имечко... С ней бы подобное могло произойти, но с тобой – никогда! Ни за что не поверю, будто ты гуляла по городу в каком-то забытии. Лучше признавайся, что с тобой случилось на самом деле.

– Милый, я тебя уверяю...

– Наташенька, ты совершенно не умеешь врать, – перебил ее Макс. – Не умеешь – и все тут! Кстати, я тебя и за это тоже уважаю...

Он нажал кнопку на магнитоле, и салон машины заполнили звуки «Севильского цирюльника». Максим был серьезным мужчиной. Он любил оперу.

– Фигаро тут, Фигаро там... – несколько нервно замурлыкал он.

– Ну хорошо, ты прав – я солгала тебе, – сказала Наташа. – Я была в гостях и засиделась там допоздна. Можно было, конечно, вызвать такси, но я подумала о тебе. Знаешь, Макс, мне вдруг так захотелось тебя увидеть! Прямо сейчас!

– Фигаро, Фигаро... – еще громче запел он и вдруг быстро чмокнул Наташу в висок. – Фи-га-ро-о!..

«Надо же, поверил! – удивленно подумала Наташа. – Такому ерундовому объяснению – поверил!»

– Прости, Макс, я не очень хорошо поступила... Тебе же завтра на работу, а я тебя подняла среди ночи!

– Ничего, Наташенька... – Макс опять чмокнул ее, и настроение у него окончательно улучшилось. – Не надо стыдиться своих чувств. Я тебя люблю.

– И я тебя люблю, Макс.

«Наваждение, – сказала себе Наташа, глядя на проносящиеся мимо фонари. – Это было просто наваждение. Короткое сумасшествие, когда мне показалось, будто тот парень из торгового центра и есть моя судьба. Как глупо! Рядом Макс, и он любит меня. Он готов ради меня на все, а я гоняюсь ночью за каким-то незнакомцем, которому и даром не нужна! Может быть, он женат. Или вообще – гей. Хотя, нет, на гея он совсем не похож...»

– Останься сегодня со мной, – попросила Наташа, когда они наконец подъехали к ее дому. – Не уходи.

– Хорошо, – кротко произнес Макс. – Я сам хотел тебе предложить...

Наташа жила в маленькой однокомнатной квартире, на пятом этаже старого дома-развалихи.

– Ужасный клоповник, да еще без лифта... – Макс перескакивал через две ступени. – Слушай, а ко мне ты не хочешь переехать?

– Что?..

Они поднялись и стояли теперь перед обитой дерматином дверью, ведущей в квартиру Наташи.

– Я тебя люблю, – повторил Макс и поцеловал девушку. – Милый мой чертик... – он провел рукой по ее голове. – Какая же ты славная – соскучилась обо мне! Это так трогательно... Переезжай ко мне, правда.

«Анна права, – неожиданно вспомнила Наташа слова старшей сестры, брошенные той как-то невзначай. – Она говорила, что Макс не сегодня-завтра сделает мне предложение. Но я не хочу никуда переезжать!..»

– Нет, – улыбнулась она. – Уж лучше в этом клоповнике, как ты выражаешься, но одной. А у тебя там мама, младший брат...

– Они тоже тебя очень любят!

– Нет, Максик...

Они вошли в темную квартиру. Наташа включила свет и сразу же пошла в ванную. В ржавых трубах загудело.

– Невыносимо хочется спать... Макс, ты ложись, я скоро приду! – крикнула она через плечо. Выдавила на зубную щетку пасту и посмотрела на свое отражение в зеркале. И пришла к окончательному выводу – в таких, как она, не влюбляются с первого взгляда. Неудивительно, что тот человек из кафе даже не оглянулся на нее...

В полной темноте она залезла под одеяло к Максиму.

– Бр-р, какая ты холодная! – засмеялся он. – Как лягушка.

– Будешь обзывать – выгоню! – пригрозила она.

– Это твоя благодарность? – он поцеловал ее в шею. – Моя маленькая царевна-лягушка...

Он был теплый, и его длинные волосы щекотали ей лицо. Наташа вдруг подумала, что это немного противоестественно. У мужчины должна быть короткая стрижка – как, например, у ее сегодняшнего незнакомца. «Боже мой, я продолжаю о нем думать – даже теперь, когда меня обнимает Макс! Забыть, скорее забыть...»

– Не уходи от меня... – жалобно произнесла она и обняла Максима изо всех сил. – Я иногда чувствую себя такой одинокой!

– Хорошо, тогда давай жить у тебя, – сказал Макс. – Если тебя не устраивает соседство с моими родственниками, давай жить у тебя. Согласна?

Секунду она сомневалась, а потом выдохнула:

– Да...

Он поцеловал ей плечо.

– А ты не передумашь? – вдруг забеспокоилась она.

– Нет, – он уже гладил и ласкал ее всю. – Я перевезу сюда свои диски и музыкальный центр.

– И мой дом превратится в оперный театр?

– Да, да, в театр...

* * *

На следующее утро все вчерашние события показались Наташе просто сном. Как будто не было этой безумной и бесплодной погони по ночной Москве...

Макс проснулся, когда она уже всю хозяйничала на кухне.

– М-м, какой запах! Что это ты там печешь? – восхитился он и, поймав ее за руку, поцеловал в локоть.

– Блинчики. Блинчики с вишневым вареньем.

– Остаюсь у тебя на веки вечные! – еще сильнее восхитился Макс. – Но с тем условием, чтобы ты каждое утро готовила мне завтрак.

– Так ты не передумал? – на всякий случай переспросила она.

– О чем? О том, чтобы поселиться у тебя? О нет, что ты... И блинчики тут ни при чем.

Наташа поставила перед ним тарелку с золотистыми кругляшами, щедро политыми вишневым вареньем.

– Да, Наташка, давно хотел тебя спросить – где ты научилась так готовить?

– Нигде. То есть пришлось – вот и научилась. Я еще много что умею. Ты же знаешь, я раньше жила с Анной и Аркадием. Мама умерла, когда мне было десять, они мне, можно сказать, вторые родители. У них Настя уже родилась. Они работали с утра до вечера, а я – по дому. Я еще и нянька неплохая.

– Верю! – истово произнес Макс.

Наташа распахнула окно – холодный утренний воздух ворвался на кухню.

– Вот и лето кончается... – пробормотала она.

Но Макс ее не слышал – он напряженно о чем-то думал.

– Послушай, Наташка, я тебя еще вот о чем хотел спросить – откуда эта квартира?

– Аркадий с Анной мне купили, четыре года назад.

– Зачем?

– Ну как – зачем... – удивилась Наташа. – Я была уже взрослая, двадцать лет как-никак исполнилось. Не до старости же мне с ними жить!

– Что, прямо так взяли – и купили?

– Да. Поэтому ты совершенно напрасно ругаешь этот дом и эту квартиру. Мои родственники, при всей их щедрости, не миллионеры...

– Я был не прав, – серьезно произнес Макс. – Твои Аркадий с Анной – молодцы. Но ты, я думаю, тоже здорово помогла им, когда нянчилась с Настей, и все такое...

– Еще как!

– А кто были ваши родители?

Макс отнес грязную посуду в раковину и добросовестно принялся ее мыть. Наташа проводила его благосклонным взглядом.

– О, да у тебя серьезные намерения в отношении меня... – она усмехнулась. – Решил все выведать!

– Да, серьезные! – с удовольствием произнес Макс.

– Ладно, скажу, мне скрывать нечего. Папа был физиком, очень известным. Может, ты его имя в каком-нибудь учебнике видел – Андрей Григорьевич Зимин. Он был на двадцать лет старше мамы. Умер, когда мне исполнилось шесть лет. Я его почти не помню, а вот Анна – помнит, и очень хорошо.

– А мама?

– Мама работала в Доме моды. Модельером. Хотя раньше эта профессия, по-моему, называлась как-то по-другому. Конструктор верхней одежды или что-то в таком роде...

– Ладно, я опаздываю, – Макс взглянул на часы, вытер руки полотенцем. – До вечера...

Он поцеловал Наташу.

– Я люблю тебя.

– И я тебя. Все, беги...

Он ушел, а через несколько мгновений Наташа выскочила на лестничную площадку.

– Макс, Макс, подожди! – она склонилась вниз.

– Что? – он был уже пролетом ниже.

– Ключи. Я хотела тебе дать ключи от своей квартиры...

Она кинула ключи, и Макс ловко поймал их.

* * *

Через полчаса и она вышла из дома.

До работы ей было идти всего ничего – минут десять быстрым шагом. Впереди показалась длинная стеклянная пристройка к высотному дому неподалеку от Мясницкой, на козырьке переливается разноцветными огнями надпись – «Волшебный мир цветов».

Наташа работала в цветочном магазине. Помимо срезанных цветов и комнатных растений в горшках, в нем продавались еще расфасованный в пакеты грунт, необходимые подкормки, горшки всевозможных форм и расцветок, кашпо, подставки и прочее. Но главное, здесь еще составляли букеты на заказ – для свадеб, банкетов и других мероприятий. По указанию заведующей магазином, Галины Викторовны, на дверь повесили уточняющую табличку – «Салон флористики». Вот так, не просто какой-нибудь цветочный магазин, а салон флористики. Ну, а Наташа тогда – не продавщица, а «менеджер торгового зала».

До составления букетов Наташу не допустили – этим делом занималась Вика Абрамова, у Наташи же был свой угол. Она командовала комнатными растениями – всевозможными пальмами, драценами, азалиями, кордилинами, пуансеттиями...

Она любила свое дело, и ей нравилось ухаживать за растениями. Ей нравилось объяснять людям, с какой регулярностью надо поливать тот или иной цветок и на какой подоконник его лучше поставить. Когда-то давно, в годы школьной юности, Наташа даже работала озеленителем – облагораживала городские газоны.

«Тебе бы ландшафтным дизайном заняться, – не раз говорила ей практичная Анна. – Послушай, это очень выгодное дело нынче – под Москвой уже никто не хочет картошку высаживать, все желают у себя на участке видеть только альпийские горки да клумбы всякие...»

«Анна, у меня до нашей-то дачи руки не доходят, а ты мне про какой-то ландшафтный дизайн толкуешь!» – отмахивалась Наташа. Но на самом деле она мечтала о чем-то подобном. Мечтала, что когда-нибудь у нее будет своя собственная дача (а не их с Анной), и уж там она даст волю своей фантазии.

– Добрый день, Василий Кузьмич! Добрый день, Вика...

Василий Кузьмич заведовал тем отделом, где стояли горшки, бутылки с удобрениями и, штабелями, пакеты с грунтом. Вика стояла возле срезанных цветов – роз, лилий, гвоздик, астр, калл и прочих, испускавших дивный и тонкий аромат, такой свежий, что щемило сердце. Пожалуй, пахло в салоне флористики не хуже, а, может быть, даже и лучше, чем в парфюмерном магазине с элитными французскими духами.

Василий Кузьмич деловито буркнул приветствие сквозь седые усы (в данный момент он сортировал мешки с гравием), а Вика холодно кивнула Наташе.

Вот Вика – она точно из тех, кто привлекает к себе внимание с первого взгляда. Каштановые кудри до пояса, пристальный взгляд огромных глаз, надменный изгиб губ. Женщина-вамп. Вика пользовалась бешеным успехом у мужчин – недаром многомудрая Галина Викторовна поставила именно ее на этот участок работы. С тех пор, как она работает здесь, желающие приобрести букетик не переводятся.

Наташа накинула халат и принялась опрыскивать из специального пульверизатора свои лианы и пальмы. Она опрыскивала их, а сама косилась на Вика. «Если бы Вика сидела вчера в кафе за соседним столом, тот незнакомец непременно обратил бы на нее внимание. Почему же я не такая? Ах, нет, тут дело даже не во внешности, а в чем-то другом... Кстати, я опять вспомнила о нем – о том, вчерашнем! Нет, видно, просто так это не пройдет...»

В ее отдел вошла посетительница, женщина средних лет, с явным желанием купить «что-нибудь этакое» – Наташа уже научилась угадывать по выражению лиц желания своих покупателей. Женщина походила вдоль огромных монстер и тростниковидных пальм, а затем остановилась перед небольшим мохнатым кустиком.

– Ой, какая елочка! – с восхищением сказала она.

– Это не елочка, это араукария, – тут же отозвалась Наташа. – Но тоже хвойное растение. Кстати, за араукарией совсем не сложно ухаживать. Она любит свет и прохладу. Летом поливать как обычно, зимой – чуть меньше.

– Купить, что ли... – задумалась женщина.

– Купите! – сказала Наташа. – Если вдруг начнут опадать хвоя и нижние веточки – значит, у вас в квартире слишком сухой воздух. Поэтому время от времени опрыскивайте ее...

– Ладно, куплю, – решила женщина. – Будет у меня вместо елки. А она вырастет еще, ваша араукария?

– Вообще, если держать ее в просторном горшке, то может достигнуть полутора метров в высоту!

Через некоторое время явилась делегация из соседней школы – понадобились кашпо к первому сентября.

Потом, ближе к вечеру, потянулась вереница жаждущих к Вике. Та ловко составляла букеты, не отрывая от покупателей глаз. На мужчин ее взгляд производил поистине гипнотическое впечатление. И даже если приобретали эти цветы своим прекрасным половинам, все равно – Вика полностью овладевала их душами. По крайней мере, так казалось Наташе.

– Вика, как у тебя это получается? – спросила с любопытством Наташа, когда на короткое время рассосалась очередь у прилавка.

– Что именно? – холодно спросила Вика. Она со всеми и всегда говорила холодно – такой у нее был стиль, а не потому, что она не в духе.

– Ну, смотреть... глазами смотреть, – пояснила Наташа и попыталась изобразить то выражение, которое было на лице Вики во время беседы с мужчинами. – Ты что, гипнотизируешь их?

– Что-то вроде того... – усмехнулась Вика.

– Научи!

– Наташа, этому нельзя научиться.

– О, я тебя прошу!

Вика задумалась.

– Ну ладно. Иди сюда... – Она подвела Наташу к зеркалу, поставила ее рядом с собой. – Вот представь себе, что ты стоишь в сталелитейном цехе.

– Где-где?

– Где слышала! А перед тобой льется раскаленный металл. Но ты его не боишься, ты смотришь на него, стараясь сохранять спокойствие. Это твоя работа. Ты металлург высокого класса, и сейчас из этой лавы ты сделаешь превосходные рельсы, или что там еще они делают...

– Вика, а если я представляю извержение вулкана? – осторожно спросила Наташа. – Я извержение вулкана сто раз по телевизору видела, а вот сталелитейный цех с трудом могу вообразить...

– Ладно, представь себе вулкан, – немного подумав, кивнула Вика. – Ну, в общем, любую огненную стихию...

– Вика, а почему огненную? И почему именно стихию? – не отставала Наташа.

– Потому что... Господи, да я сама не знаю! – рассердилась Вика. – Ты спрашиваешь, как научиться такому взгляду, как у меня, а я тебе объясняю... Я просто знаю, что если ты хочешь произвести впечатление на мужчин, ты должна смотреть на них именно так, а не иначе. Ну-ка, попробуй...

Наташа, уставившись на свое отражение в зеркале, добросовестно свела брови и насупилась.

– Не то... – сморщилась Вика. – Так смотрят на мужа, который забыл о том, что сегодня двадцатилетие вашей супружеской жизни!

Наташа сменяла одно выражение лица другим, но Вика продолжала отрицательно качать головой.

– Не то. И это не то... Вообще не годится! Ах, Наташа, ты похожа на обезьянку!

Под конец Вика не выдержала и, забыв о том, что она холодная и жестокая женщина-вамп, захохотала.

– Не получается... – огорчилась Наташа. – Наверное, такой роковой взгляд не для меня. Хотя, Вика, я тебя поняла...

– О чем ты?

– О том, что надо представить себе огонь. Ведь любовь – это как огонь. Это опасно, человек может сгореть в нем...

– Наташа, да я совсем не о том! Я говорю, как привлечь к себе внимание...

– Нет-нет, именно о том! – с вдохновением произнесла Наташа. – Так замороженно можно глядеть еще в бездну. Или, например, наблюдать за морем во время урагана, когда на тебя движется девятый вал... Страха нет, есть лишь желание прыгнуть в эту бездну или оказаться под тоннами воды, которые могут обрушиться на твою голову... Ну, или сгореть в огне.

Вика подозрительно покосилась на Наташу.

– Тогда это получается самоубийство.

– Нет, Вика, это – желание дойти до конца. Как испытание... Кто кого. Вот мотылек – он упрямо летит на свет и... сгорает в огне.

– Да не хочу я нигде сгорать! – возмутилась Вика. – И я совсем не мотылек! Ты, Наташа, ужасно странная, и в голове у тебя такие мысли, которые меня, например, сроду не посещали.

– Хватит болтать! – проворчал из своего угла Василий Кузьмич. – Вон, уже рабочий день заканчивается. Виктория, ты не в курсе, куда Галина Викторовна положила накладные на товар?

– Откуда же я знаю... – отмахнулась Вика. – Сходите к ней да спросите.

– Так она к поставщикам уехала!

– Ну вот и ждите ее теперь...

Ровно в шесть часов Наташа покинула магазин – сегодня вечером у нее было много дел. Прежде всего она побежала на квартиру, в которой жили ее родственники, а по дороге пыталась вспомнить, какие поручения ей дала Анна.

Дверь открыла Настя.

– Наташенька! – взвизгнув, бросилась она на шею своей тетке. – Как я по тебе соскучилась!

– Господи, Настя, ты мне когда-нибудь шею свернешь... – застонала Наташа, с трудом отцепляя от себя племянницу. – Принеси мне квитанцию из шифоньера!

– Какую квитанцию? – захлопала ресницами Настя.

– Ах ты, господи... Быстрее самой сделать, – Наташа быстро расшнуровала ботинки, сбросила их и через анфиладу комнат побежала босиком в спальню к сестре. – Ну и квартира... Не представляю, что я жила здесь когда-то! Не квартира, а футбольное поле...

– Наташенька, а ты сейчас куда? – из-за спины появилась Настя.

– Я в химчистку... Да, ты тоже собирайся – вместе пойдем.

– Зачем?

– Затем, что мама велела купить тебе джинсы.

– Так у меня же есть джинсы! – искренне удивилась Настя. – Целых четыре пары. Взять хоть, например, эти... – она закружилась посреди комнаты.

Племянница была высокая – одного роста с теткой, и очень тоненькая – кажется, двумя пальцами можно талию обхватить, с длинными темными волосами, темно-серыми глазами. И волосы, и глаза – как у Наташи, поэтому их постоянно принимали за сестер.

– Эти для школы не годятся, – строго сказала Наташа, наконец найдя квитанцию в ворохе бумаг.

– Но почему...

– Во-первых, они рваные. То есть, я прекрасно понимаю, что дыры на них искусственного происхождения, но для школы это не годится. Во-вторых, у тебя пупок видно.

– Потому что у них специально заниженная линия талии! – возмутилась Настя. – Он и должен быть виден!

– Все равно, купим тебе нормальные джинсы, классического вида. Вспомни, прошлой весной маму Аню два раза к директору вызывали, песочили за твои наряды...

– Ну ладно, пошли, – пришлось согласиться Насте.

Они побежали в химчистку, которая закрывалась в семь. Едва успели. Забрали пальто Анны и побежали в ближайший гипермаркет. Там Настя раскритиковала весь товар в отделе одежды, дважды пыталась зареветь, но потом была вынуждена примерить темно-синие строгие джинсы.

– Тогда и топик мне вон тот купи! – потребовала она у тетки.

– Про топик мама ничего не говорила.

– Купи! – взмолилась Настя. – Он триста рублей всего стоит. Чего тебе, жалко, что ли...

– Настя, мне ничего для тебя не жалко, но деньги не мои, это деньги твоих родителей.

– Тем более – купи!

Потом Настя застряла у отдела с плюшевыми игрушками. Она давно в них не играла – она их коллекционировала. Настя испытывала страсть ко всем забавным пестрым существам – чем чуднее, тем милее сердцу...

Выбрала розового плюшевого зайца с олигофреническим выражением на морде. Прижала к себе.

– Наташенька, и этого зайца тоже купи...

– Зачем? Настя, у тебя столько уже всяких зайцев!

– Купи, – упрямо произнесла Настя. – Иначе он злым людям достанется, и они его мучить будут.

– Каким злым людям?

– Наташенька, мы должны его спасти, разве ты не понимаешь? – трагическим голосом возразила племянница.

Пришлось купить и розового зайца.

– Сейчас еще за продуктами, а потом домой... – тащила Наташа за собой племянницу, прижимавшую к груди зайца.

В продуктовом отделе Настя зачарованно остановилась перед аквариумом с живыми карпами.

– Не представляю, как люди могут их есть... – пробормотала она.

– Что? – отозвалась Наташа.

– Они же живые! Давай спасем хотя бы одного.

– А где он будет жить?

– Купим большой аквариум.

- Настя, но карп не способен жить в аквариуме, он в нем скоро сдохнет!
- Но тут же он себя хорошо чувствует – вон, как плавничками шевелит!
- Это ненадолго.
- Ладно, выпустим его в ближайшем пруду, – милостиво согласилась племянница.
- В ближайшем пруду он еще быстрее сдохнет, потому что в нем одна грязь. Грязь и химические отходы... Держи сумку, – Наташа уже купила все необходимое. – Теперь домой...
Настя с тоской оглянулась на плавающих карпов.
- Какая же ты скучная, Наташенька... – с тоской произнесла она. – Ты еще скажи, что счастья нет на этом свете...
- Счастье есть, – строго сказала Наташа. И тут у нее зазвонил сотовый. – Подержи-ка сумку... Алло! Макс, ты? Нет, я еще не скоро... Я к своим любимым родственникам... Анна уехала, их даже накормить некому... Позвоню позже. – Она нажала на кнопку отбоя.
- Максим твой звонил? – с любопытством спросила Настя.
- Ага. Между прочим, ждет меня сейчас дома. Мы решили жить вместе.
- Да ну! – изумленно воскликнула Настя. – Слушай, Наташа, у вас, оказывается, все так серьезно... Как ребенка назовете?
- Какого ребенка?
- Который у вас родится...
- Не собираемся мы пока никакого ребенка заводить! – возмутилась Наташа.
- Все равно когда-нибудь да заведете... – философски заметила Настя. – Ой, что же тогда будет! – внезапно опечалилась она.
- А что будет?
- Ты же меня тогда совсем забудешь! – В глазах у племянницы заблестели слезы. – Ты своего ребеночка будешь любить, а не меня!
- Настя, дурочка, я всегда тебя буду любить! – нетерпеливо закричала Наташа.
- Нет, не забудешь... – Настя повисла у тетки на шее, обливаясь горячими слезами.
- Ничего не подделаешь, переходный возраст... В последнее время Настя только и делала, что рыдала и смеялась – порой без всякого перехода.
- Дома Настя забыла обо всем – по телевизору шел ее любимый сериал.
- Ой, господи, началось! – она плюхнулась в кресло, сжимая в руках пульт. – В прошлой серии Маша узнала, кто ее настоящий отец...
- Через минуту она уже восторженно смеялась и хлопала в ладоши. Наташа на кухне тем временем принялась варить суп.
- Пепельно-серый Цезарио Аттила Кристоаль Пятый (оттенок его масти почти повторял цвет волос Насти и Наташи) вылез из-под стола и истерично завыл над своей миской.
- Бедный котик... – Наташа насыпала ему корма и крикнула в комнату, в которой Настя смотрела телевизор: – Настя, вот ты зайцев плюшевых жалеешь и карпов каких-то бездушных, а Цезарь у тебя голодный!
- Настя ничего не ответила – так она была увлечена сериалом.
- В это время хлопнула входная дверь – пришел глава семьи Аркадий.
- А-а, Наташа о нас решила позаботиться...
- От Аркадия, сколько Наташа себя помнила, всегда оглушительно пахло одеколоном. Невысокий, полноватый, с намечающейся лысиной – Аркадию было сорок два, – он держался бодро и энергично.
- Наташа, погладь мои рубашки!
- Сам погладишь! – рассердилась она. – Я сейчас сварю суп и уйду. У меня, между прочим, тоже личная жизнь есть...
- Ой-ой-ой, какие мы сердитые! – Аркадий засмеялся и легонько щипнул ее за щеку.

– Папа, они с Максимом вместе теперь живут! – крикнула из гостиной Настя, фильм в этот момент перебилась рекламой. – Ты представляешь?

– Какой кошмар... – Аркадий закрылся в ванной.

Наташа, хозяйничая на кухне, слышала, как тот поет, принимая душ. Потом Аркадий вышел – свежий, румяный, и сел за обеденный стол.

– Скоро?

– Что – скоро?

– Я говорю – ужин скоро?

– Через двадцать минут. Ты можешь пока пиццу себе в микроволновке разогреть, – ответила Наташа.

– Ненавижу полуфабрикаты...

Аркадий вздохнул, постучал пальцами по столу. Было слышно, как грохочет телевизор в гостиной.

– Наташа...

– Что?

– Про Максима – это правда? – серьезно спросил он.

– Да, правда. А что такого?

– Мне он не нравится, – вдруг заявил Аркадий. – Мне вообще не нравится, что ты так рано начала взрослую жизнь.

– Аркадий, мне двадцать четыре! – с изумлением воскликнула Наташа, повернувшись к нему.

– Все равно – ты как ребенок. И выглядишь гораздо моложе своих лет.

– Это ты как ребенок. Тебя надо кормить, надо гладить твои рубашки...

– Максим не для тебя! – упрямо произнес Аркадий. – Он странноватый, надо признать...

– Чем же это?

– Вот этим – ла донна мобиле... – запел тенором Аркадий, театрально взмахнув руками.

– А, ты о том, что Макс любит оперу! Ничего не вижу в этом плохого, – усмехнулась Наташа. – Между прочим, Анна его одобрила.

– Анька не разбирается в людях...

– Очень хорошо она разбирается!

Они препирались и препирались – до тех пор, пока Аркадий не шлепнул ее по мягкому месту.

– Ах, вот ты как! – Наташа изловчилась и стукнула его половником.

– Больно же! – рассердился Аркадий и вдруг рывком притянул Наташу к себе на колени.

– Пусти... – она пыталась бороться.

Но он не разжимал рук, и в какой-то момент Наташе стало страшно. Она услышала, как стучат часы на стене. «Нет, это не часы – я слышу, как бьется его сердце...»

– Что ты делаешь? – с ужасом спросила она. Она все ждала, что Аркадий сейчас засмеется, скажет какую-нибудь шутку, запоем что-нибудь дурацким голосом... Но он молчал и продолжал сжимать ее в своих объятиях, и стук его сердца звучал, словно набатный колокол. Муж ее родной сестры...

– Наташа... – с усилием выдохнул он.

Казалось, эти мгновения будут длиться вечно. Наконец он разжал руки и отпустил Наташу. Бледный, с мокрой прядью волос, перечеркнувшей лоб...

Наташа отбежала к окну, продолжая сжимать в руке половник.

– А если бы вошла Настя? – шепотом спросила она.

– Настя телевизор смотрит, – так же шепотом ответил Аркадий. – И вообще – ты чего? Ничего же не было!

– Тогда зачем ты... – начала Наташа и тут же замолчала. В самом деле – может быть, ей все показалось? Они дурачились, как раньше, и не было в его объятиях ничего предосудительного.

– Что – зачем?

– Нет, ничего...

Она выключила плиту, позвала Настю.

– Настя, ужинать!

Когда прискакала племянница, Наташа торопливо попрощалась и убежала из квартиры сестры. Ей показалось, ей все показалось...

Она шла по улице, крест-накрест сцепив руки на груди. Шла и дрожала, точно попала в струю ледяного ветра, хотя поздний августовский вечер был довольно теплым и темная густая листва на деревьях даже не шевелилась.

Дома ее уже ждал Макс. Где-то в глубине квартиры энергично переливалась знакомая мелодия. Бизе, «Кармен» – тут же вспомнила Наташа. «Тореадор, смелее в бой...»

– Наташка, как ты поздно, я даже беспокоиться начал!

– Понимаешь, Аркадий с Настей такие беспомощные... Анна уехала, и некому за ними присмотреть... – торопливо забормотала она.

– Насколько я помню, Аркадий ваш довольно взрослый товарищ, да и Настя уже девица... – заметил Макс.

– Ах, да какая она девица! – отмахнулась Наташа. – С меня ростом, а на самом деле еще младенец. Ты музыку слушаешь?

– Ага... Не мешает? Я, между прочим, свой музыкальный центр сюда перетащил...

– Нет, что ты, совсем не мешает! – Наташа обняла Макса и с чувством поцеловала. – Я люблю оперу. Знаешь, наверное, было бы гораздо хуже, если бы ты был поклонником тяжелого рока...

Макс прошел вслед за ней в комнату, сделал звук чуть потише.

Наташа мельком взглянула на свое отражение в зеркале. «Наверное, мне показалось, что Аркадий как-то по-особенному меня сегодня обнял... – подумала она. – Это была просто игра! Во мне же ничего такого нет, чтобы свести мужчину с ума. Я не Вика Абрамова с ее роковой красотой...»

– Послушай, Наташа, у меня все не идет из головы наш последний разговор... – нерешительно начал Макс.

– А что такое? – с любопытством спросила Наташа.

– Ты говорила, что ваши с Анной родители давно умерли... Где же ты жила раньше – ну, пока твоя мама была еще жива?

– Где и всегда – в той самой квартире, где сейчас живут Анна с Аркадием и Настей, – охотно пояснила Наташа. – Ты же был там пару раз – на прошлый Новый год и на день рождения Насти.

– И они с самого начала тоже жили с вами? Ну, твоя сестра и ее муж...

Наташа вздохнула и принялась терпеливо объяснять:

– Сначала в этой квартире жили мои родители и мы с Анной. Потом папа умер...

– Так, это я уже понял.

– Анна вышла замуж за Аркадия, когда мне было лет семь-восемь, не помню точно. Они снимали квартиру, потому что у Аркадия жить совершенно негде – родители, братья-сестры, бабушка еще парализованная тогда была... С нами Аркадий с Анной тоже жить не хотели – стремление к независимости и все такое... Скоро у них родилась Настя. Потом, когда мне было десять, умерла мама. Аркадий с Анной и Настей переехали обратно и стали жить вместе со мной. Они мне вместо родителей, я же тебе говорила... Что тут непонятного? – искренне удивилась Наташа.

Макс, ероша свои светлые волосы, ходил по комнате взад-вперед.

– Там же огромная квартирища... – пробормотал он. – Метров сто, не меньше.

– Сто пятьдесят квадратных метров, – поправила Наташа. – Папе эту квартиру дали в конце шестидесятых, когда он совершил какое-то грандиозное открытие в физике. Ну, еще Госпремию дали, дачу на Рублевке, и все такое... Он был очень, очень известным человеком. Жаль, что я не в него пошла – ничего в физике не понимаю...

– Да бог с ней, с этой физикой! – остановился Макс посреди комнаты. – Та квартира по нынешним временам бешеных денег стоит. Да еще и в центре! Тысяч двести-триста – не меньше... Не рублей, разумеется.

– О чем ты? – встревожилась Наташа.

– О том, что ты сейчас живешь в халупе, за которую больше тридцати тысяч и не дашь.

– Двадцать восемь, – холодно поправила Наташа. – А ты, как я вижу, неплохо разбираешься в недвижимости.

– Чего ты злишься? – Макс сел с ней рядом на диван, обнял за плечи. – Я о тебе беспокоюсь... Мне кажется, они тебя обманули.

– Кто?

– Да Анна твоя с Аркадием! Сами живут в таких шикарных апартаментах, а тебя запихнули в эту халупу!

Наташа стряхнула с плеч его руку.

– Я тоже хочу независимости, между прочим! – сердито сказала она. – И потом, нам вовсе не хотелось делить родительскую квартиру.

– А надо было поделить, – тихо произнес Макс. – Половина ее принадлежит тебе.

– Половина? – фыркнула Наташа. – Половина... Ты плохо считаешь – есть еще Аркадий с Настей, и они имеют полное право...

– Они не имели никакого права селить тебя в таком ужасном месте! – повысил голос Макс. – Даже с учетом Аркадия и Насти – твоя доля в наследстве все равно велика. Четвертая часть от трехсот тысяч – это...

– Ты не учишь другого, – перебила его Наташа, разозлившись уже не на шутку. – Скоро этот дом снесут, и мне дадут совершенно новую квартиру в чудесном районе. Аркадий сказал...

– Ах, твой Аркадий сказал... – Макс уже кричал, а прекрасная и зловещая мелодия «Кармен» служила каким-то странным, пугающим фоном для его слов. – Тебя выселят в Бутово, к черту на куличики – туда, где целый район построен на костях расстрелянных во время сталинских репрессий!

– Что-о?.. – с ужасом переспросила Наташа. – На каких еще костях?! Господи, Макс, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Почему именно в Бутово, почему именно к черту на куличики? Ты же ничего не знаешь...

– Ну, не в Бутово, там в Капотню какую-нибудь... – упрямо произнес Макс. – Я так говорю потому, что ты, Наташа, удивительно легкомысленный человек. Тебя же проще простого обмануть!

– С чего ты взял? – возмутилась Наташа. – И кто это меня обманывает...

– Да твои расчудесные Аркадий с Анной – вот кто тебя обманывает! Они помыкают тобой, как хотят! Черт, как же я их сразу не раскусил...

Наташа нетерпеливо нажала на кнопку на музыкальном центре. Музыка замолкла, и в этой тишине было слышно, как шелестит по карнизу легкий августовский дождь.

– Аркадий с Анной воспитали меня. Они заменили мне родителей. Не смей говорить о них плохо! – угрожающе произнесла Наташа.

– Конечно, они твои благодетели... – усмехнулся Макс. – Я был бы готов в это поверить, если бы ты сама не рассказывала мне, как нянчила Настю, как ты была у них вместо домработницы... Они до сих пор продолжают тебя эксплуатировать.

– Я люблю Настю! И мне совсем не трудно время от времени помогать им. Они столько для меня сделали... – Наташа не договорила, и слезы брызнули у нее из глаз. – А если ты будешь говорить о них плохо, то лучше уходи! Да, уходи...

Макс вдруг опомнился.

– Наташка, что ты... – Он посадил Наташу к себе на колени, обнял. – Я дурак, я не хотел тебя расстраивать! – Он целовал ее мокрое от слез лицо, а потом вдруг засмеялся удивленно. – Как же я тебя люблю... Я и не думал, что так тебя люблю!

– Ну да, так я тебе и поверила... – всхлипнула Наташа.

– Нет, правда! Я все это наговорил из-за того, что беспокоюсь о тебе. Ты такая нежная, ты особенная... Такая хрупкая! Совершенно неприспособленная к жизни. Всякий может тебя обидеть!

– Ага, сам же и обидел... – Наташа постепенно успокаивалась.

– Прости, прости!

Он целовал ее с какой-то судорожной, болезненной страстью, что не было никакой возможности сопротивляться ему, да Наташе этого и не хотелось. Она забыла обо всем...

Ночью Наташа долго не могла сомкнуть глаз. Разговор с Максом подействовал на нее странным образом – она вдруг вспомнила то, что не вспоминала никогда.

...Она, десятилетняя девочка, сидит, запершись в комнате, а в соседней переговариваются Аркадий с Анной. Вернее – ожесточенно спорят.

«Мне не нужна эта обуза! – холодно и веско произносит Аркадий. – Ты понимаешь – не нужна».

«Но я не могу ее бросить! – отвечает Анна. – Аркашенька, милый, что скажут о нас люди?!»

«Мне абсолютно наплевать, что скажут люди! У меня уже есть ребенок. Мой собственный ребенок. А что касается твоей младшей сестры...»

От их громких голосов заплакала Настя, которая сидела в манеже. Наташа, пытаясь с трудом вытащить ее оттуда, посадила рядом с собой на пол. Начала показывать ей, как надо правильно собирать пластмассовую пирамидку. Настя перестала реветь, с интересом стала повторять Наташины движения.

«Не реви, Настя, папе с мамой некогда!» – шепотом строго сказала она племяннице.

«Натя...» – повторила двухлетняя Настя.

«Да, правильно, ты – Настя», – одобрительно кивнула Наташа.

Но племянница маленьким пальчиком показала на Наташу и повторила: «Натя...»

«А, это ты меня так называешь! – понимающе кивнула Наташа. – Ну, что ж, наши имена чем-то похожи... Гляди, гляди – к тебе кто-то в гости идет!»

Желтый резиновый цыпленок, ведомый Наташиной рукой, запрыгал в Настину сторону. Настя счастливо засмеялась и, схватив цыпленка обеими руками, сразу же сунула его себе в рот. «Настя, гостям не обязательно голову откусывать! А вот ползет черепашка Тортила...»

«Аркаша, обрати внимание, как она с Настей ловко управляется, – в соседней комнате говорила Анна. – Даже лучше меня».

«Ну, и что ты предлагаешь?»

«Я ничего не предлагаю, я просто прошу тебя сделать соответствующие выводы. Моя сестра никогда не будет для тебя обузой...»

С тех пор прошло много лет.

Конечно, тот разговор Аркадия с Анной не имел никакого значения. В первый момент Аркадию стало не по себе – когда он понял, что придется принять в свою семью и Наташу (подобный страх свойствен всем), но потом он справился с собой. И Наташа действительно не была для него обузой.

Он никогда не обижал ее, даже любил – по-своему, как умел.

Любил... Наташа вздрогнула, глядя в темный потолок, рядом со сладко сопящим Максом. Она вдруг вспомнила то, что произошло этим вечером в квартире у ее родственников. «Мне показалось, мне все показалось... Это было обычное дурачество, на которое даже внимания обращать не стоит!»

Она твердила так, стараясь отогнать от себя мысли, которые пугали ее. Потом закрыла глаза, и к ней пришел совсем другой человек – не Аркадий, не Макс, а некто третий, чьего имени она так и не узнала...

* * *

Наташа проснулась рано утром, когда едва забрезжил хмурый рассвет, и вдруг обнаружила, что Макс куда-то собирается.

– Макс, ты куда? – сонным голосом спросила она.

– Я на работу.

– Макс, ты что, сегодня же суббота...

– Последнюю субботу месяца я всегда работаю – разве ты забыла?..

Он перед зеркалом сосредоточенно завязывал галстук.

– А, ну да... Забыла. погоди, я сейчас встану и приготовлю тебе завтрак... – забарахталась под одеялом Наташа.

– Не надо, я уже позавтракал... – Макс, полностью одетый, наклонился к Наташе и поцеловал ее в голое плечо. – И вообще, на самом деле я вполне самостоятельный человек – не то что твои родственники.

– Ты опять?.. – недовольно протянула Наташа, прячась под одеяло.

– Все, больше не буду! Я тебя люблю...

Он ушел. Максим Викторович Петровский, двадцати восьми лет, работал старшим менеджером в крупной фирме, занимающейся продажей электробытовой техники.

Наташа снова сомкнула глаза, но сон не возвращался к ней. Она поворочалась немного, а потом встала.

«Мне сегодня приснился какой-то странный сон... – вдруг вспомнила она. – Только о чем он был? Ах, да, о нем... О том человеке, которого я видела, когда провожала Анну на вокзал...»

Темные волосы, идеальная линия затылка, строгая стрижка, черты лица классические – незнакомые и в то же время легко узнаваемые, как у всех положительных героев в старых фильмах... Наташа сразу отчетливо представила своего незнакомца, каждая черточка его внешности хорошо запечатлелась в ее сознании.

«Кто он? Как его зовут? И почему до сих пор он преследует меня? Да, именно так – не я, а он меня преследует! Парадокс...»

Она выпила чаю, потом сняла трубку, чтобы позвонить Мириэль Подкопаевой. Ах, нет, слишком рано – Мирка спит еще, наверное... А Наташе очень хотелось рассказать подруге произошедшую с ней странную историю – при полной своей безалаберности Мириэль иногда давала удивительно точные и мудрые советы. Тоже своего рода парадокс. Интересно, что она скажет Наташе, когда узнает историю ее ночной погони за незнакомцем?

– Мотылек летит на огонь... – прошептала Наташа.

Улица Придонская, дом шестнадцать.

И, словно вихрь поднялся, она бросилась к шкафу, стала выдергивать из него вещи. Большую их часть Наташа забрала. Оставила только самые лучшие джинсы, которые Анна привезла ей прошлым летом из Германии, темно-синий свитер, о котором Вика Абрамова отозвалась когда-то с большой благосклонностью – значит, он стоил того, чтобы показаться в нем перед незнакомцем с Придонской улицы...

«Черт знает что! – лихорадочно думала Наташа. – Мне двадцать четыре, а в гардеробе моем только те вещи, которые пристало скорей носить Насте, но никак не взрослой, самостоятельной женщине! Ни одного платья, ни туфель-лодочек, ни одной приличной сумки – все какая-то ерунда!»

Наташа быстро натянула на себя свитер с джинсами, распустила волосы. Критически прищурилась. «Нет, не то...» Она снова закрутила волосы на затылке в два небольших пучка, напоминающих рожки, – задорный и очень милый вид, который так нравился Максиму... Может быть, ее незнакомцу он тоже в конце концов понравится?..

Макс!

Ее дернуло, словно током, стоило вспомнить о Максиме. Только сейчас Наташа поняла, что делает что-то не то. «Бедный Макс, но он никогда не узнает...» – попыталась она успокоить свою совесть.

Наташа перекинула через плечо небольшую клеенчатую сумочку и выскочила на улицу, направилась к метро. Сначала она шла шагом, а потом чуть ли не побежала.

Так же бегом она спустилась в метро по эскалатору.

Сердце ее нетерпеливо билось, когда она подъезжала к конечной станции – той самой, на которой жил ее незнакомец. Она вышла на поверхность и огляделась. Теперь, при ярком дневном свете, все вокруг выглядело чужим и незнакомым. Наташа пошла тем же маршрутом, но скоро запуталась среди многочисленных многоэтажек. Пришлось несколько раз спросить у прохожих, далеко ли до улицы Придонской...

Наконец она оказалась в том самом дворе, окруженном многочисленными гаражами-ракушками. Во дворе играли дети, мимо гаражей дефилировали какие-то компании...

Наташа села на скамейку возле подъезда, в котором той ночью скрывается ее незнакомец. Несколько раз из подъезда выходили люди, и Наташа спрашивала у них, не знают ли они о таком жилье, – и описывала своего героя. Женщина с терьером на поводке заявила, что под такое описание попадает практически каждый молодой мужчина, коих здесь довольно много. Зато старик с мусорным ведром сразу же хмуро заявил ей, что такой здесь точно не живет. А старуха с сумкой-тележкой заявила, что позвонит в милицию, «если всякие тут будут с подозрительными вопросами приставать»...

Битых два часа Наташа сидела возле подъезда и ругала себя за свою глупую затею. В самом деле, с чего она взяла, что так легко найдет незнакомца? Но словно какая-то неведомая сила держала ее здесь, не отпускала... «Приди! – нетерпеливо попросила она. – Пожалуйста, появись!»

И вдруг – словно небо услышало ее мольбы! – подъездная дверь хлопнула, и из нее вышли двое молодых мужчин. Одним из них был ее герой... Не оглядываясь, они энергично зашагали в сторону дороги.

Наташа едва не задохнулась от счастья – так хотела она снова увидеть этого человека. Зачем – она не знала. Наверное, для того, чтобы убедиться, что он не приснился ей тогда...

Присутствие третьего лица помешало ей броситься к нему. Некто – лысый, низкорослый, усатый – шел рядом с ее героем и громко говорил:

– Пусть даже стопроцентный литературный сюжет... Ну, как, например, первые экранизации Толстого и Пушкина. Все равно, это явление антилитературного ряда.

– Да, скорее это относится к пластической культуре, – кивнул Наташин незнакомец.

Впервые она слышала его голос! Она шла в нескольких шагах от этих двоих. Смысл их разговора ускользал от нее. Интересно, какую тему они обсуждают? На плече Наташиного героя висел знакомый рюкзак, который показался ей почти родным...

– Только в предвоенные годы сценарий приобрел статус литературного жанра, – продолжил лысый. – И он ориентировался в основном на драму.

– Ты про Фрейтага и его «Технику драмы»? Основные этапы действия, моменты ускорения, моменты торможения... Пожалуй, в этом есть какой-то смысл, – сказал незнакомец. – Даже несмотря на то, что практика иногда расходится с теорией.

– Ничего она не расходится, Никита! – нетерпеливо перебил его лысый. – Все стоит на причинно-следственных связях, а остальное – монтаж, пластические метафоры, как я уже упоминал... Но это уже моя компетенция. Мы делаем декадентскую драму в стиле модерн и должны придерживаться кинематографического языка начала двадцатого века. Работай над сценарием...

«Никита! – затрепетала Наташа. – Его зовут Никита!» Это простое открытие наполнило ее такой радостью, что она едва не закричала. То, что она по-прежнему ничего не понимала в разговоре мужчин, очень мало беспокоило ее. Главное – она узнала его имя!

– Ладно, ты режиссер, вот с этим и разбирайся, – нетерпеливо произнес Никита. – Главное, идею мы уже сформулировали, ключевые сюжетные моменты – тоже, теперь я собираюсь закончить психологические характеристики персонажей. Остальное обговорим потом. Да, Сергей, я вот еще что хотел сказать...

– Что такое?

– Мне кажется, мы уже допекли твоих предков своими ночными бдениями, – сказал Никита. – В следующий раз предлагаю работать у меня.

– Стенич же приедет! – вздохнул лысый Сергей.

– Стенич – золото, мешать нам не будет...

Они подошли к дороге и стали ловить машину.

Наташа стояла шагах в десяти от мужчин, за кустами боярышника. Она пыталась осознать, о чем они говорили. Если она не ошиблась, то Сергей был режиссером, а Никита – сценаристом, и они вместе собирались делать фильм – черно-белую декадентскую драму в стиле модерн. И еще – Никита здесь не жил. Здесь жил Сергей. В следующий раз они решили собраться у Никиты, несмотря на присутствие некоего Стенича...

Перед друзьями притормозили зеленые «Жигули». Сергей быстро переговорил с водителем, и мужчины сели в машину. «Жигули» сорвались с места.

Наташа продралась сквозь кусты боярышника и выскочила на дорогу.

«Уехал... И что теперь?»

Она снова потеряла его. Никиту. Незнакомого человека, который вдруг стал нужен ей так, что казалось – жизнь потеряет смысл, если она о нем не узнает все досконально. «Может быть, я на самом деле в него влюбилась – вот так, с первого взгляда?»

Наташа замахала руками и поймала следующую машину.

– За теми зелеными «Жигулями»... Только, пожалуйста, не отставайте!

– Будет сделано, – меланхолично произнес водитель, видимо, привыкший ко всему на московских дорогах.

Она ехала за Никитой и ужасно переживала, когда время от времени зеленые «Жигули» исчезали из виду.

– Побейстрее, пожалуйста! – просила она водителя.

– За мужем, что ли, следите?

– Что? Ах, ну да... – пускаться в объяснения перед незнакомым человеком Наташа не хотела.

Через полчаса они оказались в центре. Недалеко от «Кропоткинской» машина, в которой сидели Никита с Сергеем, притормозила.

– Стойте, стойте! – с азартом закричала Наташа. – Я выхожу!

Она быстро расплатилась, вылезла из машины и побежала вслед за друзьями. От того, что она нервничала и переживала, мысли путались у нее в голове, а сердце лихорадочно колотилось

в груди. И все же она заметила некую странность... В чем же дело? Ах, вот оно... Никита шел с пустыми руками. Он забыл в «Жигулях» свой рюкзак!

Наташа сначала хотела крикнуть Никите и Сергею, чтобы они вернулись, но в этот момент она увидела, что машина, в которой они ехали, начала медленно трогаться с места.

– Нет! – она ласточкой бросилась на капот.

– Чего надо? – хмуро спросил водитель «Жигулей», высовываясь из окна. Особого возмущения или удивления по поводу того, что девушка бросилась на капот его машины, он не выразил – видимо, тоже привык ко всему, что творилось на московских дорогах.

– Человек, которого вы везли, у вас в салоне забыл свой рюкзак! – торопливо сказала Наташа и рванула дверцу. – Вон он, на заднем сиденье...

– И правда! – перегнувшись назад, хмуро произнес водитель. – Только с какой стати вы его хватаете, а?

Наташа ничего нового придумывать не стала:

– Это рюкзак моего мужа! Я за вами ехала... случайно! Никита и Сергей ехали сейчас с вами. Мой муж – Никита... Ужасно рассеянный! Слава богу, что я заметила...

Ее волнение и сбивчивые объяснения показались водителю правдоподобными.

– Да, именно так они друг друга и называли... – хмуро кивнул он. – Ладно, берите рюкзак. А мужу скажите, чтобы ушами не хлопал... Повезло ему, что жена такой проворной оказалась!

Он хлопнул дверцей и уехал. Наташа осталась одна – у полукруглой арки, на небольшом пятачке перед метро.

Растерянно оглянулась, сжимая в руках лямку рюкзака. Ни Сергея, ни Никиты...

Она побежала вверх по Гоголевскому бульвару. Добежала аж до самого памятника Гоголю, но «своих» мужчин так и не увидела. Медленно побрела обратно, оглядывая обе стороны дороги. Прекрасный повод для знакомства: «Ах, вы кое-что забыли в машине... Вот, решила вам вернуть!» – «Огромное спасибо, девушка, вы меня очень выручили!» – «Ну что вы, какой пустяк!» – «Кстати, здесь неподалеку есть одно неплохое кафе, не хотите ли составить мне компанию?..» Каким-то образом лысый Сергей из Наташиных мечтаний исчез, остались только они с Никитой. Вдвоем...

Она вернулась к метро и снова огляделась. Странно – Никиты нигде не было, хотя, по здравом размышлении, он давно должен был обнаружить свою пропажу и вернуться.

Наташа потопталась еще некоторое время возле метро. Потом заглянула в рюкзак – так, на всякий случай. Знакомый ноутбук, какие-то книги, газета, блокнот... Ну уж за компьютером-то он должен вернуться!

Еще через полчаса Наташа поняла, что Никита все-таки не придет. Или они разминулись, пока она бегала на тот конец Гоголевского, или сразу махнул рукой на свою пропажу... Забыл вещи в чужой машине – что ж, безнадежный случай, вряд ли тебе вернут потерянное!

Наташа поехала домой, держа в руке рюкзак Никиты и чувствуя себя преступницей. «Но я же ему все верну!» – успокаивала она себя.

До прихода Макса оставалось еще довольно много времени. Наташа вытащила все содержимое рюкзака Никиты и разложила перед собой.

Во-первых, ноутбук серебристого цвета. Во-вторых, книги – пара детективов. Газета за прошлую неделю, загнутая на спортивных новостях. Эти вещи Наташа сразу отложила в сторону, гораздо больше ее интересовал блокнот. В нем она нашла расписание лекций и семинаров, длинный перечень книг и прочее. Госэкзамены, сдача дипломной работы... Судя по датам, Никита в прошлом году окончил ВГИК – сценарный факультет.

В кармашках рюкзака лежали какие-то мелочи вроде цветных маркеров, плоская коробочка DVD с фильмом Лукино Висконти «Гибель богов», горсть скрепок и сморщенное засохшее яблоко. Яблоко Наташа сразу же выкинула и снова вернулась к блокноту. В конце его было

что-то вроде ежедневника – короткие записи. Снова даты, сокращения – «26 д.р. у проф. Ябл. куп. цв.». Или – «Стенич – Яр. вокз. 14 сент. 23-00». Ну и тому подобное...

Наташа придвинула к себе телефон.

– Алло, Мирка, ты занята сейчас? Пожалуйста, если не трудно, зайди ко мне...

– Ну, я не знаю, – вздохнула в трубку подруга. – У меня палец на ноге сломан. Такие вот неприятности...

– Какой кошмар! Ты теперь не можешь ходить? – расстроилась Наташа.

– Нет, ходить я могу, только медленно... А что случилось?

– Одна странная история... – задумчиво пробормотала Наташа. – Ладно, Мирка, встретимся в другой раз.

– Нет, я приду, – неожиданно оживилась подруга. – Я люблю странные истории. Жди!

* * *

Через час Мириэль Подкопаева позвонила в Наташину дверь. Зашла, прихрамывая, перед зеркалом поправила свои кудрявые черные волосы.

Мирка была невысокого роста, цыганистого вида (она утверждала, что предки ее были кубанскими казаками) и близорукая – на носу ее сидели очки в черной оправе с толстыми стеклами.

– Представляешь, случайно ударилась ногой о косяк, и вот, на тебе – сломала палец! – с удивлением сообщила она Наташе.

– Мирка, ну как же ты так... – привычно вздохнула та.

– Да я и сама не знаю. А что за история?

– Идем, я тебе кое-что покажу...

Наташа подвела Мириэль к ноутбуку.

– Вот. Ты не в курсе, как этим пользоваться?

– Немного в курсе... – хмыкнула Мирка. – У нас в букинистическом есть компьютер. Слушай, ты бы Макса своего спросила – он наверняка в этом лучше меня разбирается. Купила, что ли? Дорогая игрушка...

– Не купила, а нашла. Случайно мне в руки попал. А Макса спросить не могу – он ревновать начнет.

Мириэль открыла крышку ноутбука и нажала на кнопку включения. Сразу вспыхнул экран и по нему побежали заставки.

– Наташа, я не понимаю... – серьезно сказала она. – Ты случайно нашла компьютер, а Макс будет тебя ревновать? Не вижу никакой связи.

– Значит, дело было так... – И Наташа, сев напротив подруги, принялась рассказывать всю историю – с того самого момента, когда она провожала свою сестру Анну на вокзал и в кафе, за соседним столиком, увидела незнакомца. Незнакомца, который странным образом притягивал ее к себе...

Мириэль выслушала историю до конца.

– Интересно как! – с удовольствием произнесла она. – Значит, ты влюбилась в этого Никиту с первого взгляда?

Наташа немного подумала.

– Да я пока сама не понимаю... – растерянно произнесла она. – Может быть, это любовь, а может быть, что-то другое... Я пока не знаю. Но я не могу не думать о Никите – он все время у меня перед глазами. Ладно бы он был каким-то неопишуемым красавцем – тогда, может быть, все было понятнее. Но он обычный среднестатистический мужчина – симпатичный, конечно, но не более того... Знаешь, с чем бы я это сравнила?

– С чем? – с любопытством спросила Мириэль.

– С каким-то вирусом! – воодушевилась Наташа. – Не с компьютерным, а с самым обычным – человеческим. Случайно чихнули на тебя в метро – и все, ты в ту же секунду заразилась гриппом. Время и место, выдох и вдох – все совпало роковым образом, и вот ты уже больна и несешь эту болезнь внутри себя. Так и с Никитой – наверное, я посмотрела на него в какой-то час «икс», опасный для меня, даже не в час, а в ту минуту или даже секунду, когда неуловимым образом решается жизнь и судьба – и все, я пропала... Теперь Никита во мне, и я не могу избавиться от него. Все совпало – время и место, вдох и выдох...

– Тогда и он должен был обратить на тебя внимание! – с горящими глазами воскликнула Мириэль. – Ты же сама говоришь – вдох и выдох должны совпасть!

– Да ничего он на меня не обратил внимания... – с досадой произнесла Наташа. – Наоборот, как будто я для него пустое место!

– Интересно как... – повторила Мириэль. – Я бы так не могла – заинтересоваться человеком, ничего не зная о нем. Мне кажется, чтобы влюбиться, надо хотя бы один раз поговорить с ним.

– Вот я и хочу узнать о нем как можно больше! – сказала Наташа. – Может, когда я узнаю, какой он, этот Никита, то пойму, что он вовсе мне не нужен... И все тогда пройдет – это мое наваждение, моя болезнь... Что там?

– Ах, да... – спохватилась Мириэль и принялась щелкать кнопками ноутбука. – Сейчас посмотрим...

Наташа склонилась над ее плечом.

– Та-ак... Тут всякие офисные программы – ну, это неинтересно... Игры, куча энциклопедий и справочников – это тоже неинтересно...

– Как это – неинтересно? – рассердилась Наташа. – Это ведь тоже о многом говорит! Какие там энциклопедии?

– Да самые разные! – отмахнулась Мириэль. – Это говорит только о том, что Никита твой обычный современный человек, который вместо кучи книг на полках предпочитает просто вставить диск в компьютер – и все дела... Кто он по профессии, ты сказала?

– Сценарист.

– Ага, вот они, тексты Word... Слушай, да тут их целая куча, я прямо даже не знаю, с какого начать... – запыхтела Мириэль.

– Начни с последнего, – попросила Наташа. – Это интереснее всего – над чем он сейчас работает.

– Ага... Вот, судя по дате, это текст под названием «Полет мотылька». Дурацкое название какое-то...

– Ничего не дурацкое! Очень даже интригующее... – не согласилась Наташа. Сердце у нее забилось стремительно.

– Так... *«Идея фильма – показать невозможность счастья в этом мире через любовь мужчины к женщине...»* – начала читать вслух Мириэль. – Гм, невозможность счастья можно показать и в обратном порядке... *«Герой пытается догнать свою возлюбленную, но она прихотью судьбы ускользает от него. Она бы и желала остаться с героем, но обстоятельства мешают ей сделать это...»* Просто восхитительно! – иронично заметила Мириэль. – Нет, если бы я была сценаристом, то непременно все тут переиначила...

– Ах, Мирка, молчи, ты мешаешь мне! – нетерпеливо одернула подругу Наташа.

«...Действие происходит на фоне Москвы начала двадцатого века. Экипажи и первые автомобили, городские и горничные, мальчишки – разносчики газет, церкви и кофейни, господа в котелках и изящные дамы в огромных шляпах с перьями. Москва Блока и Гиляровского, противоречивая – страшная и прекрасная одновременно, где дым паникадил смешивается с ароматом опиума. Революционеры и кликуши, смирение и эпатаж... Город кажется призраком

при свете газовых фонарей, ночью...» – быстро читала Наташа. Ну да, это тот самый фильм, о котором говорили Никита с Сергеем сегодня!

«...Она – чудесная юная женищина, в черном шелке (траур по мужу, погибшему в бою под Цусимой), на бледном лице – огромные детские глаза, рассеянна и загадочна. На протяжении всего действия остается непонятным, действительно она любит героя или только хочет любить его. Он – модный московский литератор Сойманов, звезда салонов. Любовь настигает его внезапно, как болезнь...» – «Господи, и он о том же!» – мысленно вздрогнула Наташа.

– Послушай, Наташа... – задумчиво произнесла Мириэль, когда они прочитали весь текст до конца. – Ты говорила, что Никита твой – сценарист, а его друг Сергей – режиссер... Так чего же они на такси ездят – своих машин, что ли, нет?

– Наверное, нет.

– Как-то не так я представляла себе богемную жизнь...

– Мирка, они совсем недавно закончили ВГИК, их еще никто не знает! – справедливо заметила Наташа. – Вот увидишь – они снимут свой фильм и прославятся, и у них будет все! И собственные машины, и шикарные квартиры, и все такое прочее.

– Что-то я сомневаюсь... – Мириэль Подкопаева была полна скептицизма. – Сейчас совсем другие фильмы в моде. Ну, где про бригаду или антикиллеров всяких... А тут сюжет про любовь да какие-то газовые фонари.

– Ты ничего не понимаешь! Про бандюганов смотреть уже надоело, хочется чего-то новенького, про любовь...

– О, как ты своего Никиту защищаешь! Точно – влюбилась, – констатировала Мириэль. – Слушай, а ты хоть его фамилию знаешь, этого Никиты?

– Знаю. Никита Рошин... И адрес его у меня есть, – Наташа открыла потрепанный блокнот, найденный в рюкзаке. – Вот. И живет он не так далеко, в районе Новокузнецкой. Я ведь сначала думала, что он где-то на окраине обитает, но там, оказывается, он был в гостях у своего друга Сергея. В понедельник поеду к Никите и верну ему все... Хотела завтра ехать, но Макс...

– Что – Макс?

– Я тебе не говорила, Мирка? Мы же теперь с Максом вместе живем, – призналась Наташа. – Вон, он ко мне свой музыкальный центр перетащил...

– Да ну?! – с изумлением сказала Мириэль и уставилась в угол, где располагался этот самый музыкальный центр – громоздкая сложная конструкция с матовыми панелями, кнопками, сабвуфером и колонками. – Надо же, а я и не заметила сразу...

– Вот так, Мирка... – вздохнула Наташа. – Теперь ты понимаешь, почему Макс не должен знать о моей находке.

– Да, теперь понимаю... – кивнула Мириэль. – Однако у меня все время в голове крутится один вопрос, очень важный... Да! – спохватилась она. – Ты сказала, его зовут Никитой Рошиным?

– Именно так. В блокноте был только один Никита – значит, это именно он.

– Никита Рошин, Никита Рошин... Что-то ужасно знакомое... – Мириэль сняла очки и потерла глаза. – Вспомнила! Был такой режиссер, очень известный – Никита Рошин! Ну, его фильмы по праздникам часто крутят – классика советского кино! Может, именно его адрес записан в блокноте?

– Вряд ли, – пожала плечами Наташа. – Это ж когда было! Тот Никита Рошин умер лет десять или даже двадцать назад... Я вспомнила – «Апрель на Фабричной улице», «Веселые девочки», «Неунывающие»... Это все его фильмы, черно-белые еще, да?

– Кажется, – согласилась Мириэль, снова нацепив на нос свои очки. – Пожалуй, ты права – обычное совпадение. Рошин – довольно распространенная фамилия, да и имя Никита – тоже не редкость. Это тебе не Евлампий, не Харитон какой-нибудь... Хотя все упорно крутится вокруг мира кино – сплошные сценаристы да режиссеры!

- Что поделатъ – важнейшее из искусств!
- Но я вовсе не о том хотела тебя спросить, – опять задумалась Мириэль. – Знаешь, Наташа, что в этой истории самое странное?
- Что?
- Зачем тебе Никита, когда у тебя уже есть Макс?
- Наташа растерянно пожала плечами:
- Мирка, я не знаю... Я и позвала тебя для того, чтобы ты дала мне совет.
- Я должна дать тебе совет? – страшно удивилась Мириэль. – Мне кажется, ты обратилась не по адресу! Сама мне все время твердила, что я не человек, а тридцать три несчастья, и что ко мне няньку надо приставить. А теперь просишь у меня совета...
- Вот именно. Потому что недаром говорят: устами младенца истина глаголет.
- Тогда бы ты не меня, а свою племянницу Настасью спрашивала, – с обидой усмехнулась Мириэль.
- Мирка, мне страшно, – вдруг тихо произнесла Наташа. – Я сама себя не узнаю – что я делаю, о чем думаю... Никогда со мной такого не было! Я как будто перестаю собой владеть. Я и Макса к себе позвала для того, чтобы мне не было так страшно. Он меня любит как-никак...
- Но ты же ему все равно не расскажешь про Никиту? – тоже шепотом спросила Мириэль.
- Нет. Макс будет ревновать – я это чувствую. Но от одного того, что рядом со мной разумный человек, мне уже легче. Так сказать – одно его присутствие действует на меня благотворно...
- Да, Макс очень разумный человек... – взъерошила свою цыганистую шевелюру Мириэль. – Вот что, Наташа... Ты отдай этому Никите рюкзак, а там – будь что будет...

* * *

- В воскресенье была настолько чудесная погода – начало сентября, раннее бабье лето, – что Максим Петровский решил провести этот день за городом.
- А поехали-ка, Наталья Алексевна, – сказал он Наташе, – на пленэр, в Григорьино!
  - Куда? – с удивлением спросила Наташа. Про Григорьино она слышала в первый раз. – За грибами, что ли?
  - Нет, не за грибами... Хотя не исключено, что там и грибы растут. Григорьино – бывшая царская усадьба. Там Екатерина Вторая замок хотела построить. В общем, она его и построила – почти, да только он ей чем-то не понравился, и она забросила строительство. А зря. Места красивые... В детстве я там в один год целое лето провел.
  - Поехали! – неуверенно согласилась Наташа.
- Ее мучила совесть – Макс был такой добрый, предупредительный, он относился к ней с покровительственной нежностью, от которой у нее невольно щемило сердце... А она продолжала думать о Никите!
- Григорьино было не так далеко – минут сорок езды. Места тут выглядели несколько заброшенными, но в самом деле пейзажи открывались удивительно красивые.
- Они оставили машину у разбитых каменных ворот, на небольшой парковочной площадке. Возле ворот торчал пожелтевший плакат – «Садово-парковый ансамбль XVIII века. Памятник архитектуры, охраняется государством».
- Идем... – Макс распахнул перед Наташей дверцу машины. С собой он захватил магнитоу.
  - А это зачем? – улыбнулась Наташа. Разбитая асфальтовая дорожка уводила их в глубь парка.
  - Будем слушать музыку. Кстати, у меня для тебя небольшой сюрприз...
  - Какой?

– Узнаешь... – загадочно ответил Макс.

К середине дня стало еще теплее – Наташа, не церемонясь, сняла через голову свитер. Теперь, в узких джинсах и короткой трикотажной маечке, она казалась совсем юной – девочка-подросток, да и только.

– Не холодно? – заботливо спросил Максим.

– Нет, что ты... – живо откликнулась Наташа. Ее обнаженные руки и открытую шею ласкал свежий сентябрьский ветер, но он не был холодным.

В старом парке оказалось довольно многолюдно – посетители гуляли по аллеям, сидели на поляне – там, где располагалось летнее кафе с дымным мангалом.

– В июне—июле здесь вообще не протолкнешься, – заметил Макс. – Там дальше – пруд с пиявками. Бр-р... Но народ купается, несмотря ни на что.

– Как красиво... – завороченно произнесла Наташа, пропустив мимо ушей упоминание о пиявках. – Сто лет не была на природе.

– Ты же говорила, что у вас есть дача, – напомнил Макс. В светлом спортивном костюме, с прямыми светлыми волосами до плеч, элегантный и подтянутый, он напоминал интуриста, прибывшего полюбоваться российскими достопримечательностями, только фотоаппарата на груди не хватало.

– Да, у нас с Анной есть дача... – кивнула Наташа. – Но там другие люди живут.

– Как это? – удивился Макс.

– Ну так... Мы ее сдаем. Дача на Рублевке – очень престижное место. Там какие-то Айрапетяны живут. Дача теплая, можно хоть круглый год оттуда не вылезать. Кстати, эти Айрапетяны – очень приличные люди, – поспешно заметила Наташа, увидев, что Макс нахмурился. – Глава их семейства, между прочим, то ли в Думе, то ли в мэрии работает. А может, и там, и там... Я не в курсе, потому что всеми делами Анна занимается.

– Кстати, а сколько они вам платят?

– Кто?

– Ваши приличные люди.

– Я тоже не в курсе... Говорю же, этим занимается Анна. И Аркадий.

– Значит, все деньги – у них? – еще больше помрачнел Макс.

– Да. То есть нет... Деньги на нашем общем с Анной счету! – Наташа уже сама начала недовольно хмуриться.

– Я не понимаю...

– Господи, да что тут непонятного! Мы с Анной решили, что тратить деньги сейчас не имеет никакого смысла. Лучше сделать хоть какие-то накопления. На черный день. Или отложить на какие-нибудь исключительные обстоятельства.

– Например?

– Например, я решу выйти замуж! – вызывающе произнесла Наташа. – Тогда деньги могут понадобиться для свадьбы.

– Наташа, этих денег хватит на десять свадеб! – нетерпеливо воскликнул Макс. – Ты даже не представляешь, сколько стоит аренда дачи на Рублевке!

– Конечно, дорого, – невозмутимо заметила Наташа. – Но и свадьбу я тоже хочу не дешевою. Я, между прочим, собираюсь выйти замуж один раз в жизни.

– Ясный перец... Но ты не берешь в расчет жениха. Может быть, он человек не бедный и в приданом не нуждается.

Разговор принимал опасное направление. Наташа замолчала. Над головой едва шелестела начинающая желтеть листва, по дорожке пробежали солнечные зайчики...

– Макс...

– Что? – сурово отозвался тот.

– Макс, милый, давай не будем об этом, – кротко попросила Наташа. В который раз уже она произносила эту фразу!

– Хорошо, не будем. Хотя твои родственники что-то мудрят...

– Макс!

– Все, не буду... – Он быстро развернул ее к себе, поцеловал. – Я забыл о том, что ты никогда не думаешь о завтрашнем дне.

– Макс, я очень даже думаю...

– Помнишь, как мы познакомились? – Он неожиданно улыбнулся, и морщинка между бровей разгладилась.

– Конечно, помню! – засмеялась Наташа. – Между прочим, это было год назад. Нет, даже больше – позапрошлой весной. Я искала у вас в магазине фен для волос.

– Я увидел тебя за стеклянными стеллажами – ты ходила между ними, такая красивая и юная, что я подумал – вот эта девушка будет моей...

– Что, прямо так сразу и подумал?

– Да.

Они стояли у подножия широкого холма, на котором возвышались развалины старинного замка. От замка, правда, остались только стены красного кирпича. Гуляющих здесь почти не было, лишь несколько мальчишек со смехом и гиком скакали по битым кирпичам.

– Я влюбился в тебя сразу, с первого взгляда, – тихо сказал Макс.

– Разве так бывает? – недоверчиво спросила Наташа. – Ну, чтобы с первого взгляда...

Она подумала о Никите. Почему он не заметил ее?

– Не у всех. Вот ты, я знаю, не сразу ко мне привыкла. Наташа...

– Что? – не сразу отозвалась она.

– А сейчас... сейчас ты меня любишь?

– Да, – быстро ответила она. – Так чей был замок, ты говорил?

– Екатеринин. Она, кажется, собиралась подарить его своему фавориту, Григорию Потемкину. И места эти зовутся его именем – Григорьино...

Компания мальчишек с воплями бросилась к лесу – видимо, скакать по царским развалинам им надоело.

– Следующим летом сюда приедут реставраторы, – продолжил Макс. – Красота будет – не хуже, чем в Архангельском или Коломенском. Ладно, идем...

– Куда – туда? – почему-то испугалась Наташа, махнув рукой в сторону равнин.

– Я же сказал – сюрприз!

Они вскарабкались по холму вверх, затем забрались на одну из полуразрушенных башен. Отсюда открывался удивительный вид на старый парк. Внизу, между деревьев, ртутью сверкал на солнце пруд, по его берегу гуляли люди...

– Здорово, да? И эти руины – не хуже египетских пирамид. Говорят, сюда собирался приехать Дзеффирелли, чтобы поставить здесь «Аиду». Получилось бы «Аида» а-ля рюс...

– Да ну? – вежливо удивилась Наташа. На самом деле она еще не совсем привыкла к увлечению своего друга, а сюжет знаменитой оперы Верди представляла себе весьма смутно. Помнила только, что-то там такое из жизни египтян...

– Я тебя уверяю! – горячо воскликнул Макс. – Но это еще не сюрприз – так, красивая картинка, не больше. Дай руку, теперь спустимся вниз...

– Я сама... – Наташа ловко, точно горная коза, запрыгала по обломкам вниз. Ее джинсы и ботинки на широкой удобной подошве оказались как нельзя кстати – в юбке и на шпильках передвигаться по руинам было бы весьма затруднительно.

Они обошли замок с другой стороны.

– Когда-то, давным-давно, я все тут облазил... – сказал Макс. – Изучил каждый камешек. Подержи-ка... – он сунул Наташе в руки магнитола, провел ладонями по стене. – Ага, не забыл – именно здесь!

– Что здесь такое должно быть? – подозрительно спросила Наташа.

– Дверь. Дверь в подземелье.

– Какое еще подземелье? – с недоумением спросила она.

– Самое обыкновенное подземелье... Ты лучше посмотри, не наблюдает ли за нами кто.

Наташа огляделась. Здесь, позади развалин, местность была неровной, овражистой – ни одного гуляющего.

– Никого нет, – сказала она. – Слушай, Макс, ты что – собираешься лезть вниз?

– Ага, – поднатужившись, тот отодвинул от стены каменную плиту, потом отбросил несколько валунов. В стене обнаружилась ржавая железная дверь в половину человеческого роста. – Понимаешь, следующим летом здесь уже будут реставраторы и все такое... А я давно хотел кое-что сделать.

– Что?

– Увидишь. – Макс достал из кармана фонарик и, согнувшись, полез в черный провал. Наташе не было страшно – только любопытно. – Ты помнишь сюжет оперы?

– Какой оперы?

– Господи, да «Аиды» же!

Голос Макса снизу звучал как-то глухо, многократно отражаемый подземным эхом. Наташа мужественно лезла вслед за ним. Это еще что – года три назад ее подруга Мириэль Подкопаева познакомилась с диггером-любителем. Диггер показывал ей лабиринты подземной Москвы. Это было увлекательно и интересно – своего рода популярный в народе экстрим, но Мирку в одном из лабиринтов укусила крыса. Обычная крыса. Мирка даже не очень испугалась, отнеслась к этому по-философски. Крыса – не тигр. Как человек разумный, после своего путешествия Мирка пошла в травмпункт, сделать профилактический укол от бешенства. Но дальше начался самый настоящий кошмар... Капризный организм Мириэль Подкопаевой отреагировал на укол... аллергией, да такой сильной, что врачи едва спасли Мирку от анафилактического шока...

– Макс, тут нет крыс?

– Что? Нет, пока ни одной не видел... Так вот, в основе сюжета – борьба египетского фараона против эфиопов, их еще называли нубийцами. Дочь эфиопского царя Аида находится в рабстве у египетского фараона. Египтяне, по сути, для нее враги. Те, кто поработил ее народ, сделал рабыней и ее. Она должна их ненавидеть. Но она любит Радамеса, доблестного египетского полководца. Аида ужасно от этого мучается – чувствует себя преступницей, предавшей собственную родину и собственного отца. Старика, между прочим, тоже захватили египтяне. А Радамес любит Аиду, хотя в ближайшее время ему придется стать мужем Амнерис, дочери фараона. Амнерис тоже несладко – во-первых, она жутко гордая, во-вторых, ее терзает неразделенная любовь к Радамесу, а в-третьих, она ревнует его к Аиде...

– Какие страсти... – сочувственно пропыхтела Наташа, стараясь не споткнуться в полутьме.

– Короче, ревнивая Амнерис мстит Радамесу – отдает его в руки жрецов, хотя тут же раскаивается в этом... Но поздно – жрецы приговаривают Радамеса к казни. То есть к погребению заживо в подземелье. Но чуть раньше туда пробирается Аида – она хочет умереть со своим возлюбленным. В общем, их обоих замуровывают, и они умирают, обнявшись, несчастные и счастливые одновременно...

– Это неправильно! – сердито произнесла Наташа. Она не любила, когда какая-нибудь история заканчивалась плохо. – Что – просто обнялись и умерли? Просто безобразие какое-

то... Могли бы подкоп какой-нибудь сделать. Или еще что-нибудь придумали, а не сидели сложа руки!

– Обнявшись, – поправил ее Макс. – Дай-ка сюда магнитоу...

Они стояли теперь посреди огромного помещения. Откуда-то сверху, сквозь щели, с трудом пробивался дневной свет. В голубовато-серой полутьме можно было различить каменные колонны, подпиравшие высокий свод. Пахло холодом и сыростью. Наташа поспешно натянула на себя свитер.

– Мне страшно... – прошептала она. – Послушай, Макс, а вдруг кто-нибудь решит запечатать нас здесь? И мы умрем, как эта твоя Аида со своим Радамесом...

– Ерунда какая! – с досадой произнес Макс. – Ты не того боишься... Вот это и есть мой сюрприз. Слушай...

Он нажал на кнопку магнитолы и включил громкость на максимум.

Музыка вдруг взорвала холодный сырой сумрак – звуки заметались по подземелью, отражаясь от каменных сводов. Это было так неожиданно, что Наташа едва не упала. Невидимая звуковая волна ударила ее, мурашки побежали по спине...

– Это молитва к богу Ра, которую жрецы поют в храме Мемфиса, – прошептал ей на ухо Макс. – Здорово, да? Кстати, партию Аиды исполняет божественная Джесси Норман...

Заунывная, тягучая, торжественная и страстная музыка заполнила подземелье, заставила трепетать какие-то тени под потолком. Наташа слушала как завороченная – постепенно красота мелодии и таинственность окружающей обстановки околдовали и ее.

– Да, здорово... – с удивлением прошептала она. – Макс, ты сам это придумал?

– Ага... Здесь замечательная акустика, – он поставил магнитоу у ног и обнял Наташу. – Значит, ты оценила мой сюрприз?

– Вполне... Очень оригинальная идея! Знаешь, я даже не ожидала, что окажется так интересно... – искренне призналась она.

Макс поцеловал ее – таким долгим, страстным поцелуем, что у Наташи закружилась голова. Она почувствовала, как дрожат его руки на ее плечах.

– Я так люблю тебя... Знаешь, можно представить себя на миг героями оперы. Впереди нас ждет смерть, и мы встречаем ее в объятиях друг друга...

– Я не хочу – смерть... – прошептала в ответ Наташа.

– Да никто и не просит тебя умирать... Ты просто вообрази!

Наташа честно попробовала вообразить себя в роли эфиопской царевны, но вместо этого вдруг представила рядом с собой... Никиту. Как будто это он, а не Макс, обнимает ее сейчас. И признается в любви...

– Ты дрожишь... Холодно, да? Ну ничего, идем отсюда...

Держась за руки, они побрели к выходу. Жмурясь, вылезли на свет.

– Боже, какой ты чумазый! – спохватилась Наташа.

– А ты на себя посмотри... – засмеялся Макс. – Ладно, в машине переоденемся – у меня там лежат какие-то вещи. Пошли.

– погоди, а дверь?.. – спохватилась Наташа. – Надо снова ее замаскировать. Тут дети бегают – не хотелось бы, чтобы они лазили по подвалам.

Дружными усилиями они завалили дверь камнями и побежали вниз по склону.

Наташа смеялась и говорила Макс, что давно не испытывала таких острых ощущений. Так оно и было – слушать оперную музыку в подземелье старинного замка ей еще не приходилось. Но она солгала в другом – не музыка, не развалины старого замка ее поразили, а то, что она на миг вдруг вообразила рядом с собой Никиту. Это он целовал ее в холодном сумраке каменных стен, его руки прикасались к ней...

* * *

В понедельник, не дожидаясь конца рабочего дня, Наташа отпросилась у заведующей, Галины Викторовны, и сразу же поехала на Новокузнецкую.

Волновалась она ужасно – как будто от этой встречи с Никитой зависела вся ее дальнейшая жизнь. Придумала, как объяснит ему, почему рюкзак оказался именно у нее... «Нет, я не стану ему говорить, что следила за ним. Скажу, что нашла рюкзак случайно и решила вернуть его владельцу. Адрес прочитала в блокноте, ну, и все такое...»

Ей всегда нравился район Замоскворечья – узкие старинные улочки, красивые особняки за коваными оградами... Дом, в котором жил Никита, она нашла сразу. Тихий двор с клумбами, на фасаде – множество мемориальных досок, которые сообщали о том, что когда-то здесь жили известные люди – и Герой Советского Союза генерал такой-то, и заслуженный художник... и дипломат... и прима-балерина...

«Почти как Дом на набережной, – с восхищением подумала Наташа. – Повезло же Никите!»

Не без трепета она потянула на себя тяжелую подъездную дверь с резной ручкой.

– Вы к кому, девушка? – сразу же встрепенулась консьержка за стеклянным окном.

– Я в двадцать пятую квартиру, к Никите Рошину.

Консьержка как будто оскорбилась.

– К Никите Савельевичу?

– Ну, наверное... – растерялась Наташа. Она не обратила внимания на то, было написано отчество в блокноте или нет.

– Он предупрежден о вашем визите?

– Нет. Он рюкзак потерял на той неделе, и я хочу ему вернуть...

– Никита Савельевич потерял рюкзак? – еще больше оскорбилась консьержка.

– Ну да... вот он, я ему несу как раз! – Наташа подняла рюкзак за лямку.

– Минутку... – схватилась женщина за телефон. – Алло, Машенька? Тут какая-то девушка, говорит, что к Никите Савельевичу... Как вас представить? – обернулась консьержка к Наташе.

– На... Наталья. Наталья Зимина.

– ...Натальей Зиминной ее зовут. Говорит, что якобы Никита Савельевич что-то потерял... У него спросите? Да, жду.

Повисла долгая, напряженная пауза. Наташе стало не по себе. Что за странные расспросы, что за Машенька... А вдруг эта Машенька – жена Никиты?

– Хорошо, – оживилась консьержка. Видимо, незнакомая Наташе Машенька на другом конце провода дала «добро». – Я пушу ее... – Женщина положила трубку. – Будьте любезны, покажите мне свои документы – у нас журнал посещений, мы там всех фиксируем... Время-то нынче беспокойное, сами понимаете.

– Да-да, конечно, – торопливо согласилась Наташа и протянула консьержке свой паспорт.

Через пять минут после того, как все данные из ее паспорта были переписаны, она поднималась на лифте. «Надо же, какие строгости... Наверное, в этом доме живут одни знаменитые люди». Лифт тоже был особенный – старинный, с деревянными дверцами, с полированной скамьей у задней стены. Наташа такие видела только в кино.

На четвертом этаже она вышла. Уютный коридор, фикус в кадке у круглого окна, ковровая дорожка без единой пылинки...

Вот и квартира с золочеными цифрами – 25. Сдерживая сердцебиение, Наташа нажала на кнопку звонка. Сейчас она увидит Никиту, сейчас он заговорит с ней...

Дверь ей открыла женщина лет сорока пяти, в комбинезоне и с косынкой на голове. «Наверное, та самая Машенька...» – с облегчением подумала она. Машенька была больше похожа на домработницу, чем на жену жильца необычного дома.

– Это вы к Никите Савельевичу? Проходите...

Наташа зашла внутрь и оробела еще больше. Блестящий паркет, огромное зеркало в золоченой раме, сияние электрических канделябров...

– Кто там, Маша? – раздался холодный низкий голос из глубины квартиры.

– К вам гостя, Никита Савельевич!

«Это не он! – мелькнула в голове Наташи мысль. – Это точно не он!»

– Туда, туда идите... – махнула рукой Маша. – Там он сидит.

Понимая, что ошиблась и что не найдет здесь *своего* Никиту, Наташа тем не менее зашла в гостиную.

В кресле у окна, на фоне тяжелых гардин, сидел старик. Странно знакомый. Ну да, точно, Наташа видела его – эти седые усы, этот пристальный холодный взгляд... Видела еще в детстве – в каких-то телевизионных передачах, в журналах о кино. «Так это и есть Никита Рощин! Знаменитый кинорежиссер, снявший те самые фильмы... А я-то думала, что он давным-давно умер. Выходит, Мирка была права... Только ему лет сто должно быть, не меньше!»

– Слушаю вас, – сказал старик.

– Никита Савельевич, произошла ошибка... – вздохнула Наташа. – Я вовсе не к вам шла... То есть я думала, что к вам, но на самом деле я шла к другому Никите... Просто я в блокноте нашла адрес и решила...

– В каком блокноте? – спросил старик.

– Который был в этом рюкзаке. И ноутбук еще тут – компьютер такой портативный...

– Все ясно, – усмехнулся старик. – Вы действительно обратились не по адресу, милое дитя. Вам нужен мой внук, тоже Никита, а вовсе не я. Вчера говорил с этим раздолбаем по телефону – он действительно что-то потерял... Положите рюкзак вон туда, у стены. Послезавтра он обещал зайти ко мне – как раз и заберет свою потерю...

«Никита – его внук! Внук знаменитого кинорежиссера... Ох, я должна была сразу догадаться, – ругала себя Наташа. – Ну, если не сразу, то, по крайней мере, когда входила в дом!»

Наташа стояла посреди комнаты, растерянная и убитая. Она так хотела увидеть Никиту, так хотела поговорить с ним, но вместо этого нарвалась на его знаменитого деда, на призрак времен соцреализма...

– Что же вы стоите? – нетерпеливо произнес Никита Савельевич. – Садитесь же. Маша! – крикнул старик, заерзав в кресле. – Маша, будьте любезны, принесите нам чаю!

– Я не хочу чаю... – сказала Наташа. Она чувствовала себя обманутой и несчастной. Никита снова ускользнул от нее!

– А что – кофе? Или чего покрепче?

Наташа поняла, что настырный старик от нее не отстанет.

– Нет, тогда уж чаю... – вздохнула она и села в другое кресло – напротив Никиты Савельевича.

Маша вкатил сервированный столик, поставила между ними.

– Мерси, Машенька... Так как же вас зовут, милое дитя? – старик пристально посмотрел на свою гостью. Глаза у него были холодные и светлые – точно выпцветшие от времени.

– Наталья.

– Чудесное имя. Вы давно знаете моего внука?

– Нет, я совсем его не знаю, – честно призналась она.

Чашки, стоявшие на столике, были из тонкого белого фарфора, почти прозрачного, чай в них казался золотым. На отдельном блюде лежали идеально нарезанные ломтики лимона.

Это был удивительный дом, с удивительным хозяином – все здесь было красиво и благородно. И только она, маленькая продавщица цветов, оказалась тут лишней...

– Как же так? – удивился старик.

– А вот так... – печально вздохнула она. – Я просто решила вернуть то, что случайно попало мне в руки.

– Неправда, – строго сказал Никита Савельевич. – И врать вы, девушка, совершенно не умеете! Вы же с самого начала заявили, что искали совсем другого Никиту.

– Да... то есть нет... Но я видела Никиту только мельком, я даже не говорила с ним... – пробормотала Наташа. Ей не в чем было оправдываться, но тем не менее она вдруг почувствовала себя чуть ли не преступницей.

– Вы не актриса? Никак не связаны с миром кино?

– Нет, что вы...

Старик сделал какое-то умозаключение, щелкнул пальцами.

– Значит, вы не из тех сумасшедших девиц, которые ищут любой повод попасть на экран? Впрочем, это очевидно, я мог бы и не спрашивать... Вы просто влюбились в него.

– В кого? – испугалась Наташа.

– В этого раздолбая, конечно. В моего внука.

– Почему вы о нем так говорите? – с трудом произнесла она.

– Потому что он раздолбай, – с удовольствием повторил старик. – Тоже мне, решил продолжить семейную традицию... Но мозги по наследству не передаются!

– Я не понимаю...

– Да чего тут понимать! Вы влюбились в него, потому что любить обычного человека – слесаря или инженера там – вам, девушкам, неинтересно. Подавай что-нибудь эдакое, особенное... А ничего особенного тут нет. Режиссера из него не вышло, так он в качестве сценариста решил подвизаться. Недавно сообщил мне, что мыльные оперы будет сочинять. Очень денежная работа нынче...

– Какие мыльные оперы? – растерянно спросила Наташа.

– Да те самые мыльные оперы, от которых меня уже тошнит, – скривился старик. – Вон, видите, – я даже телевизор попросил убрать из этой комнаты. Все равно ничего интересного не показывают. Одна жвачка... Все из пальца высосано.

– Я тоже не смотрю сериалы, – вздохнула Наташа.

Но Никита Савельевич пропустил ее слова мимо ушей.

– Это же абсолютно и предельно стереотипная продукция! – с отвращением воскликнул он. – Хотя, надо сказать, она требует железной отлаженности, пригнанности всех компонентов... Но это так скучно! Авторство в ней практически отсутствует – как со стороны режиссера, так и со стороны сценариста. Я вам вот что скажу... – Никита Савельевич заерзал, едва не опрокинув столик. – Сериалы эти держатся на определенных клише, в которых интегрированы массовые ожидания и чаяния. А индивидуальная авторская работа и режиссера, и сценариста носит по преимуществу дизайнерско-оформительский характер... Ужасно! Ведь тогда сценарий, в котором буквально все учтено и на основании которого просчитана смета, становится диктаторской инструкцией. Это не сценарий даже, а именно что смета...

Никита Савельевич замолчал, переводя дыхание, а потом торжествующе взглянул на Наташу.

– А вы, милочка, думали, что влюбились в творца... – заключил он.

– Я вовсе не влюбилась! – нахмурилась Наташа, покраснев против воли.

– Нет, влюбились, – упрямо заявил Никита Савельевич. – Мне, слава богу, уже девяносто два, и я научился в людях разбираться.

«Девяносто два! – мысленно ахнула Наташа. – Нет, я до таких лет вряд ли доживу...»

– Я не подозревала, что Никита сочиняет сериалы, – призналась она. – Я думала – обычные фильмы, не знаю, как их называют...

– Полнометражные, – отрывисто произнес старик и вдруг отвел глаза. – Впрочем, я не в курсе, чем там еще занимается мой внук. Какая разница – над сериалом он работает или над полнометражным фильмом... Или над тем и другим сразу. Все равно, вряд ли у него получится что-то стоящее.

Больше всего Наташе хотелось удрать отсюда, но она не выдержала:

– Послушайте, Никита вовсе не такой бесталанный, как вы утверждаете... Так получилось, что я кое-что из его работ прочитала. Это... это очень интересно!

– А говорили, что совсем с ним незнакомы... – фыркнул старик. – Нет, все-таки вы абсолютно не умеете врать. И потом, как вы можете судить – интересно или нет? Вы же совершенно ничего в этом не понимаете!

Наташа поднялась. Щеки ее горели.

– Извините, но мне пора...

– Что, обиделись? – изумился старик, и холодный огонь в его глазах неожиданно погас. – Ну, это вы зря... Я не хотел вас обидеть, милая девушка.

– Я не обиделась, нет, – замотала головой Наташа, потихоньку отступая к двери. – Просто... просто мне пора. Да, в самом деле – мне пора!

Никита Савельевич пошевелил своими седыми усами.

– Ну вот, и вам пора... – горестно вздохнул он. – А до меня никому нет дела. Конечно, я уже всем надоел... Если честно, обо мне вспоминают только, если какой-нибудь юбилей на носу. Да и то страшно удивляются: «Как, неужели этот Рощин до сих пор жив?» – Никита Савельевич очень забавно передразнил кого-то. Забавно и в то же время мстительно. И тут же воскликнул: – Да, представьте, я еще жив!

Наташе вдруг стало жаль старика – ведь она сама была уверена, что кинорежиссер Никита Рощин давным-давно умер.

– А что, разве ваш внук не навещает вас? – спросила она, уже почти готовая возненавидеть своего героя.

Никита Савельевич снова пошевелил усами.

– Навещает, – нехотя признался он. – Хотя не так часто, как мне хотелось бы. Да и вообще – он мог бы жить со мной! Чудесная квартира, за всем следит Маша, домработница... Все условия! Нет, представьте себе – снимает где-то какую-то конуру...

– Где? – невольно вырвалось у Наташи.

Никита Савельевич покосился на нее, и опять в его выцветших глазах блеснул стальной огонек.

– Так вы, милая, и адреса его не знаете?

– Нет.

– Вон, на столе бумажка лежит... – махнул Никита Савельевич старческой костлявой рукой в сторону стола. – Возле лампы. Возьмите. Там его координаты. Он вам будет очень благодарен.

– Я не ради благодарности... – начала Наташа, но старый режиссер ее перебил:

– Да это понятно... Только, милая моя, учтите на будущее: не стоит питать иллюзий. Вряд ли вы будете счастливы с моим внуком.

– Что? – обернулась Наташа, аккуратно складывая пополам листок, лежавший на столе.

– Они, нынешние мужчины, не способны любить – вот что. Лет пятьдесят назад – да, люди умели любить. Вы смотрели мои фильмы?

– Да, – ответила Наташа. – И «Веселые девчата», и «Неунывающие», и «Апрель на Фабричной улице», и «Июльский дождь»...

– «Июльский дождь» снял не я, а Марлен Хуциев, – раздраженно перебил ее Рошин. – Господи, ну о чем я говорю! Совсем забыл, что нынешние девушки тоже разучились любить – гоняются за мужчинами точно одержимые, хотя все должно быть наоборот...

Наташа выскочила из квартиры знаменитого режиссера Рошина будто ошпаренная.

«Он просто старик. Он просто старик! Он наговорил это все потому, что он один. Ему скучно. Он живет только прошлым, и оттого настоящее кажется ему безобразным... Он вовсе не хотел никого обидеть – ни меня, ни своего внука, ни нынешнее искусство – никого!» – лихорадочно думала она.

Наташа шла по улице и снова и снова прокручивала в уме разговор с Никитой Савельевичем, пытаясь понять, что же больше всего ее задело. «Ах, да – он сомневался в том, что Никита способен любить! Но так не бывает... Любой человек может любить, вопрос в другом – сможет ли Никита полюбить именно меня?»

Она остановилась напротив витрины какого-то магазина, снова впилась испытующим пронзительным взглядом в свое отражение. Невысокая худенькая девушка в джинсах и свитере, с рожками из волос на голове. Румяные щеки, блестящие глаза... В ней только обаяние юности – но не больше. Единственный, кто смог влюбиться в нее с первого взгляда, – это Макс.

«Старик Рошин, безусловно, прав в одном – я не должна бегать за Никитой, точно собачка, ожидая, когда же он наконец обратит на меня внимание. Конечно, сейчас другие времена, сейчас все можно, но... Но с Никитой так нельзя. Пусть он сам... Пусть он сам подойдет ко мне!»

Дома она первым делом бросилась к телефону.

– Привет, Мирка, это я... Как ты?

– Ничего... Слушай, у вас нет комаров?

– Каких комаров? – удивилась Наташа.

– Самых обыкновенных, кровососущих! – с ненавистью пояснила Мириэль Подкопаева. – Осень уже, а у нас в квартире комары. Один укусил меня прямо в глаз, и я теперь, как эта... как сватья баба Бабариха! Даже на работу сегодня не пошла.

– Сочувствую тебе... Послушай, Мирка, я была у него.

– Ну?! – сразу оживилась подруга. – У своего Никиты? И как?

– Никак! Это был не его адрес. Там живет его дед. А дед его – тот самый режиссер Никита Рошин, о котором ты упоминала. Я рюкзак с ноутбуком у него оставила.

– Старик жив еще? – искренне удивилась Мириэль. – Так ему лет сто должно быть, не меньше! Он, по-моему, еще до войны начал снимать...

– Никите Савельевичу Рошину – девяносто два. Кстати, очень хорошо выглядит. И прекрасно соображает, – сообщила Наташа.

– А что же твой Никита?

– Добрый дедушка дал мне его адрес. Кстати, и телефоны тут записаны – домашний и мобильный... – развернула листок Наташа.

– Так позвони же! – нетерпеливо сказала Мириэль.

– По поводу?

– Ну должен же он тебя поблагодарить! У него в компьютере столько текстов, в конце концов... Наверняка он из-за них жутко переживал...

– Может быть, у него есть копии... – неуверенно возразила Наташа. – И вообще, Мирка, по-моему, это бред – я сама звоню ему, чтобы он сказал мне спасибо...

– А что такого? Ты же не мать Тереза. Может, ты вознаграждения какого-то ждешь... Предложи ему сводить тебя в кафе.

– Нет, невозможно! – с отчаянием закричала Наташа. – Это все неправильно! Никита сам должен обратить на меня внимание. Ты понимаешь – сам!

– Да как он на тебя обратит внимание, если он там, а ты – тут? – искренне удивилась Мириэль. – И вообще, сейчас же не девятнадцатый век, и ты далеко не тургеневская девушка.

– Ладно... – сказала Наташа, почувствовав усталость. – Потом что-нибудь придумаем.

– Когда – потом? Потом он про тебя забудет...

– Да он о моем существовании вообще не подозревает, – вздохнула Наташа. – А сейчас мне все равно некогда.

– А что?

– Надо к сестре заглянуть. Она с утра звонила, просила зайти...

– Уже приехала, что ли?

– Да, уже...

* * *

– Наташа, помоги мне, я совершенно выбилась из сил! – Анна, смеясь, упала на диван. На полу рядом валялись раскрытые чемоданы. – Уже целый день прошел, а я все никак не могу навести порядок.

– Что-то не очень заметно, чтобы ты убиралась, – скептически сказала Наташа. – Я сложу твои вещи?

– Да-да, пожалуйста! – Анна уютно устроилась на диване и раскрыла альбом с фотографиями. – Ты представляешь, Наташка, Розин муж младше ее на целых восемь лет.

– Неужели? – удивилась Наташа. – Ну-ка, покажи...

– Вот он, слева, – протянула альбом Анна. – А это Роза. Посмотри, она в блондинку перекрасилась.

– Ей идет.

– Фу, что за ерунда!.. Совершенно не ее стиль.

Наташа складывала вещи сестры в шифоньер и время от времени заглядывала в альбом через плечо сестры. Анна оживленно рассказывала о своей поездке, о том, какой была свадьба ее подруги Розы, сколько было гостей и как они веселились...

Наташа повесила последнее платье на плечики и забросила пустой чемодан за диван.

– Нет, не туда, отнеси его в коридор! – запротестовала Анна, болтая ногами в воздухе. – Здесь Цезарь об него когти точить будет.

– Господи, Анна, в коридоре все занято...

– Ну да, такая огромная квартира, и все занято! – усмехнулась та.

– Вот именно – все забито каким-то бараклом! – с досадой воскликнула Наташа. – Половину надо выбросить... ну, кроме маминых вещей, разумеется... Вот это, скажи, что за коробки?

– Ой, не трогай – это Аркадий что-то купил для фирмы... То ли факсы, то ли принтеры какие-то... – махнула рукой Анна.

У Аркадия была собственная фотомастерская.

Наташа притащила пылесос и принялась прилежно возить щеткой по паркету.

– Пыли-то, пыли... – с досадой пробормотала она.

– Вот именно! – перевернулась на спину Анна и принялась рассматривать свои ногти. – Такое впечатление, будто ты в мое отсутствие совсем не заходила.

– Нет, заходила! И все твои поручения выполнила! Где Настя?

– Настя внизу, у Милы... – рассеянно заметила Анна. Мила была одноклассницей Насти и жила этажом ниже. – Господи, Наташка, я же совсем не о том хотела с тобой поговорить!

– А что такое? – Наташа бросила пылесос и села рядом с сестрой.

– Аркадий сказал, что ты теперь вместе с Максимом живешь.

– Это правда, – кивнула Наташа.

Анна поправила на себе темно-вишневый блестящий халат, сделала важное лицо. Но яркие карие глаза блестели задорным огнем.

– Ты так на маму сейчас похожа! – не выдержав, воскликнула Наташа и провела рукой по ярко-рыжим волосам сестры. – И внешне, и манерами...

– Нет, мама была красивее! – улыбнулась полными губами Анна. – Мама была настоящей красавицей. И еще – она умела жить.

– Как будто ты не умеешь...

– Наташка, брось зубы мне заговаривать! – засмеялась старшая сестра. – Я же о Максиме хотела спросить...

– Спрашивай, – пожала плечами Наташа.

– Ты уверена, что он достаточно серьезно относится к тебе?

– Уверена.

– А почему ты как будто недовольна чем-то? Он что, обижает тебя?

– Нет!

– Не кричи, – строго сказала Анна. – Я знаю, чем ты недовольна. Ты думаешь, я пытаюсь контролировать твою личную жизнь. Но я не контролирую, а просто беспокоюсь о тебе. В конце концов, я твоя старшая сестра! А из тебя все клещами надо тащить... Если бы Аркадий не сказал, я бы так и не узнала о том, что Максим поселился у тебя.

– Кстати, Аркадию Макс не нравится, – хмуро заметила Наташа.

– Ах, Аркадий в этом ничего не понимает! – отмахнулась Анна. – Лично мне твой жених очень даже нравится. Правда, он какой-то слишком серьезный... Но, впрочем, это не недостаток для мужчины. Будь уверена – скоро он сделает тебе предложение.

– Я не хочу замуж, – покачала головой Наташа. Она все время думала о Никите, и безапелляционный тон Анны тяготил ее.

– За Макса или вообще?

– Вообще.

– Ну и дурочка! – Анна чмокнула сестру в лоб. – Так и просидишь до старости одна. То есть, конечно, в нынешнее время быть старой девой не зазорно, но... Наташка, вот ты – точно не в маму! Что за пессимизм, что за мизантропия...

– Я – в папу.

– Да и папа таким не был! – всплеснула руками Анна. – Я его прекрасно помню – он был очень жизнерадостным человеком. Господи, да где эта чертова Настя... Уже полдня у соседей сидит!

Анна вскочила с дивана.

– Сейчас я ей задам...

И она убежала. По опыту Наташа знала, что это надолго – Анна обычно забалтывалась с матерью Милы. И весь день сегодня Анна наверняка тоже проболтала. Сидела на телефоне, обсуждала со своими бесчисленными подругами свадьбу Розы...

Наташа снова взялась за пылесос.

Макс ругал ее за то, что она столько времени проводит у старшей сестры, что она берет на себя функции домработницы, но на самом деле все было не так. Наташа любила эту квартиру. Она была для нее родной, знакомой с детства. Ну и что с того, что она здесь больше не жила... Анна с Аркадием сделали здесь ремонт, поменяли мебель, но все равно от воспоминаний детства избавиться было невозможно. Здесь еще осталось столько вещей из прошлого – сувениров, картин, каких-то статуэток, шкатулок и прочего!

Анна права – мама умела жить.

Цветущая рыжеволосая красавица, словно сошедшая с полотен Кустодиева, – вот какой была их мать. У нее шили одежду многие известные люди того времени. Времена были бедные,

вечный дефицит и вечные серые полутона – во всем, всегда. А мать прекрасно разбиралась в том, что такое настоящий шик. Это ценилось.

Она была намного моложе отца, и тот обожал ее. А мать безмерно уважала его. Она ничего не понимала в физике, которой занимался муж, но прекрасно осознавала роль Андрея Григорьевича Зимина в мировой и отечественной науке. Словом, это была не жизнь, а идиллия. Праздник, который должен был длиться вечно...

Наташа в гостиной забралась на стул и осторожно протерла картину в застекленной раме. Мама купила ее по случаю. Картина так себе – фиолетовые елки на фоне красного неба... Кто-то, кажется, говорил, что художник перед перестройкой уехал в Америку и там прославился. Вроде бы висят теперь его картины даже в Метрополитен-музее...

Отец с матерью очень неплохо жили – по тем временам. Анне и Наташе осталась великолепная дача и эта громадная квартира – как воспоминание о счастливом прошлом. Были еще и деньги – довольно большая сумма, но все сбережения превратились в дым в начале девяностых. Впрочем, денег тогда лишились все в стране. Хорошо, что мать к тому времени умерла – она очень трепетно относилась к деньгам (свойство всякого жизнелюбивого человека). Неизвестно, как бы она перенесла их потерю.

Вспомнив это, Наташа грустно усмехнулась. Она была точно не в мать. Ей ничего не надо. Кроме одного – чтобы начинающий сценарист Никита Рощин заметил ее...

Наташа убралась во второй гостиной, полила цветы в Настинных апартаментах и добралась до самой дальней комнаты, имевшей неопределенное назначение – то ли комната для гостей, то ли склад для коробок.

Анна с Аркадием были самыми настоящими потребителями, им вечно чего-то не хватало. Не то чтобы они уж слишком поддавались рекламе, но тем не менее, кажется, жить не могли без всяких новомодных агрегатов, которые, если верить этой рекламе, обязаны были облегчить жизнь.

Всевозможные кофемолки и кофеварки, блендеры и миксеры, увлажнители воздуха, хлебопечки и фритюрницы, приспособления для накручивания волос и одновременно для их распрямления, плееры и видеомэгнитофоны появлялись в доме с завидной стабильностью. Хуже всего было то, что от этих агрегатов оставалась куча картонных коробок, их даже не всегда успевали выбросить.

Таща за собой очередную коробку – судя по надписи, в ней находился пузырьковый массажер для ног, – Наташа, пятясь, зашла в комнату. За высоким шкафом, на кровати, застеленной клетчатым пледом, мирно спал Аркадий.

– Кто здесь? – вскочил он.

Сонный и испуганный, он выглядел очень смешно. На нем были брюки и расстегнутая белая рубашка, галстук болтался где-то на плече.

– Ой, я не знала, что ты здесь! – с раскаянием произнесла Наташа. – Прости, Аркашенька...

– А где я должен быть! – возмутился тот, ища ногами тапочки. – Сколько там?

– Восьмой час, – Наташа, оставив коробку у шкафа, шагнула к двери.

– погоди! Черт, голова как трещит... Нет, надо вставать, а то ночью не засну! – Он распахнул окно за своей спиной. Свежий осенний ветер ворвался в комнату и с ним последние лучи солнца, которое уже начинало садиться за дома.

– Чего тебе?

– Где Аня?

– Аня пошла за Настей. А Настя у Милы...

– Понятненько... – вздохнул Аркадий. – Будут только ближе к ночи. А мы днем на работе день рождения Фирсова отмечали. А, ну да ты все равно его не знаешь... Да погоди ты, Наташа, куда ты все время рвешься убежать! – вдруг рассердился он.

– Так вечер уже, – сказала она. – Мне домой пора.

– Я с тобой поговорить хочу, – Аркадий, тяжело ступая босиком, оттеснил ее от двери, щелкнул замком. – Садись.

Он снова сел на кровать, похлопал рядом с собой рукой.

– Зачем ты дверь закрыл? – мрачно спросила Наташа. – Отдай ключ.

– Не отдам, – сурово произнес Аркадий. – Я же сказал – садись. Можешь ты своему опекуну пять минут уделить или нет?

Какое-то неприятное воспоминание вдруг нахлынуло на Наташу. Ах, да – две недели назад Аркадий, кажется, сделал что-то такое, что очень не понравилось ей... Неужели все повторяется?

– Открой дверь, – попросила она.

– Не открою, – он сделал обиженное лицо. – Если я открою, ты убежишь. А мне надо, чтобы ты меня выслушала.

– Я обещаю, что не убегу, – тихо произнесла Наташа.

– А я тебе не верю.

Воробей вдруг прилетел на карниз, запрыгал по подоконнику, весело чирикал.

– Кыш! – сердито отмахнулся Аркадий. – Вот что, Наталья, ты должна выгнать этого своего Макса. Совсем не дело, что он тебе на шею сел.

– Ты именно это хотел мне сказать?

– Да, именно это. Мне все равно, какое мнение на счет Макса у Анны, но ты должна его выгнать. Он плохой.

Аркадий, любимый муж Наташиной сестры, был избалован Анной донельзя – даже сейчас он вел себя словно капризный ребенок.

– Никто ко мне на шею не садился, – тихо возразила Наташа. – И вообще, не твое дело...

– Ну здравствуй! – фыркнул Аркадий, и в это время в глубине квартиры что-то застучало, загрохотало, послышались возбужденные голоса.

– Они вернулись! – с ужасом прошептала Наташа. – Анна с Настей вернулись! Господи, Аркаша, открой скорее дверь...

Аркадий побледнел, но с места почему-то не двинулся.

В дверь постучали.

– Аркашенька, ты здесь? – громко спросила Анна.

– Здесь, – без всякого выражения отозвался тот. – Не мешай мне, Анюта, я сплю. Голова очень болит.

– А Наташа где?

– Не знаю. Наверное, ушла.

Наташа закусила палец и села на пол. Происходило что-то чудовищное, нелепое...

– Папа, папа, ты выйдешь? – закричала с другой стороны Настя.

– Настя, не мешай папе! – тут же одернула дочь Анна. – Дай родному отцу отдохнуть!

Они ушли.

– Открой дверь, – вцепилась Аркадию в плечи Наташа, – немедленно! Еще не поздно. Если они в гостиной, то я проберусь на кухню и выйду уже оттуда, как будто была там...

– Не получится, – прошептал Аркадий. – Момент упущен.

– Что же делать?! – едва не плача, спросила Наташа. От Аркадия пахло одеколоном и слегка – коньяком. О том, что может произойти, если Анна с Настей узнают, что она здесь – в закрытой комнате, рядом с Аркадием, – страшно было даже думать.

– Ничего не надо делать... – тихо сказал тот и рукой провел по ее голове.

– Да ты пьян! – Наташа с отвращением оттолкнула его руку.

Аркадий тихонько засмеялся.

– Мой маленький ангел... теперь ты никуда от меня не скроешься... Моя принцесса!

Наташа села на краешек кровати и спрятала лицо в ладонях. Ей было очень страшно. Но не Аркадия она боялась, а того, что может случиться, когда Анна и Настя узнают обо всем этом... Лучше умереть!

– Зачем... – с отчаянием прошептала она, – зачем ты закрыл дверь...

– Тс-с, тише... Я тебя люблю.

– Что? Ты с ума сошел!

– Тс-с... Нет, это правда. Странно, что я не замечал тебя раньше. – Аркадий улыбнулся и снова сделал попытку прикоснуться к ней, но Наташа упрямо оттолкнула его. – Недотрога! Какая же ты недотрога... Я тебя очень люблю!

Наташа не знала, как с ним разговаривать. У нее просто не было слов.

– А Анна? – после беспомощного раздумья наконец выдавила она из себя.

– Что – Анна? – Аркадий пожал плечами.

– Она же твоя жена!

– Ну и что? Я же не собираюсь ее бросать, – гордо произнес он. – Мы с ней уже сколько вместе... – Он нахмурил брови и принялся загибать пальцы: – Бог ты мой... Мы же с ней почти двадцать лет в браке!

– Шестнадцать, – быстро поправила его Наташа. – Но при чем тут все эти цифры? Любовь – это то, что навсегда... Тут совсем другая арифметика, тут все наоборот – чем дольше ты прожил рядом с человеком, тем меньше имеешь права предать его!

– Вот дурочка! – Аркадий посмотрел на нее с умилением. – Господи, и откуда ты взялась такая... Неужели это я воспитал тебя?

– Ты меня не воспитывал! – едва не плача, возразила Наташа. – Меня воспитала Анна. А ты на меня вообще внимания не обращал. Ну, до недавнего времени...

– Ага! – радостно кивнул Аркадий. У него были круглые, блестящие, без всякого намека на раскаяние глаза. Эти глаза Наташа сейчас больше всего ненавидела. – А потом я вдруг увидел, какая ты...

– Какая? Да нет во мне ничего такого! – застонала она.

– Тс-с, тише, тише... Ты очень славная. Ты хорошенькая, но совсем не умеешь кокетничать. Это мне больше всего нравится в тебе, потому что твоя наивность заводит сильнее всякого кокетства. А эти твои ужасные ботинки – точно у мальчишки... Не помню, чтобы я когда-то видел на тебе туфли. А то, что ты даже краситься не умеешь... – удивленно засмеялся он. – Но тебе и не нужны все эти бабские ухищрения. Ты хороша и без них – со своим бледным личиком, внезапным румянцем, темными глазами, ресницами, длинными и черными без всякой туши... Господи, как я ненавижу косметику! – вдруг захихикал он. – У Анны ее – целый ящик. Килограммов пять, не меньше. Однажды, прошлой зимой, со мной произошла глупая история. У меня пересохли на морозе губы – я проснулся среди ночи и намазал их бесцветной гигиенической помадой. Утром встал и едва не рухнул перед зеркалом – оказывается, я схватил тогда ночью с тумбочки тюбик Анны. Я был похож на клоуна с этими ярко-алыми разводами на лице. Но хуже всего то, что дурацкая помада оказалась несмываемой! Целый час потом оттирался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.